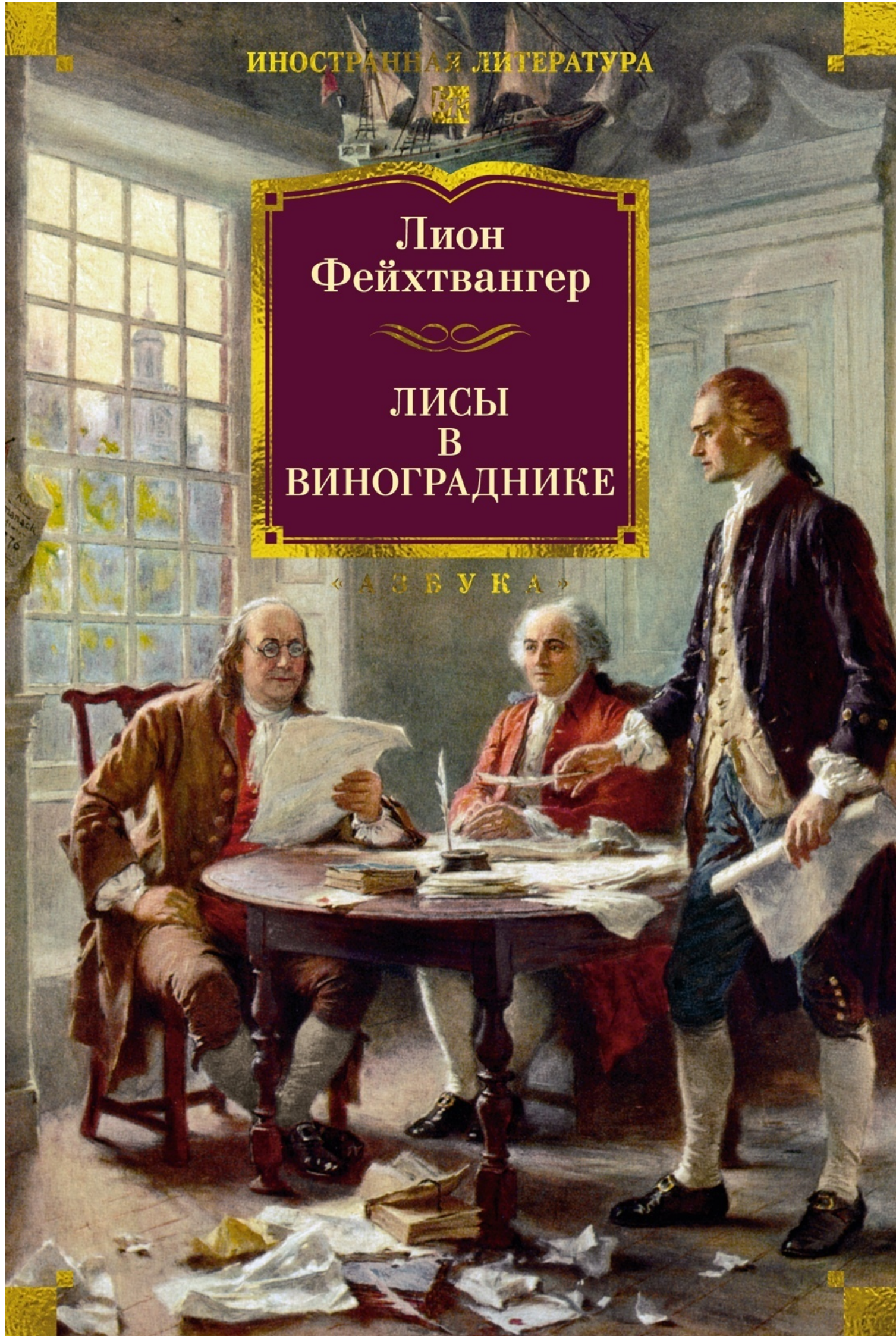

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лион
Фейхтвангер

ЛИСЫ
В
ВИНОГРАДНИКЕ

« А З Б У К А »

Иностранная литература. Большие книги

Лион Фейхтвангер

Лисы в винограднике

«Азбука»

1943–1946

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Фейхтвангер Л.

Лисы в винограднике / Л. Фейхтвангер — «Азбука», 1943–1946 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-33518-9

«Лисы в винограднике» (1946) – знаменитый роман выдающегося немецкого писателя Лиона Фейхтвангера, воссоздающий бурную атмосферу Европы и молодого американского государства второй половины XVIII века – эпохи, когда на французский престол взошел Людовик XVI, а в далекой Америке разгорался пожар Войны за независимость. На фоне изысканного французского двора, где великие философы и писатели создают свои бессмертные творения и блистают прекраснейшие женщины своего времени, новый французский монарх принимает судьбоносное решение поддержать Североамериканские штаты в борьбе за независимость от Англии, извечного противника французской короны. Эта поддержка стала одним из ключевых факторов победы американцев и подписания мирного договора, но во многом предопределила будущие революционные события... В мастерском повествовании Фейхтвангер творит картину непреодолимого стечения драматических исторических событий, под влиянием которых лисы, проникшие в цветущий виноградник, навсегда поменяли ход истории...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-33518-9

© Фейхтвангер Л., 1943–1946

© Азбука, 1943–1946

Содержание

Вступление	8
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лион Фейхтвангер

Лисы в винограднике

Lion Feuchtwanger

DIE FÜCHSE IM WEINBERG

Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1952 and 2009

All rights reserved

© С. К. Апт (наследник), перевод, 1968

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

* * *

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лион Фейхтвангер

ЛИСЫ
В ВИНОГРАДНИКЕ

Санкт-Петербург

Вступление

Начинается роман «Лисы в винограднике», названный также «Оружие для Америки». В нем повествуется об остроумном безумии, хитрой глупости и благовоспитаннейшей испорченности гибнущего общества.

Вы найдете здесь очаровательных женщин, блистательных, ветреных мужчин, ум в сочетании с пустой душой и большую душу в сочетании с неумелой рукою и великого человека среди дураков, и театр, и политику, и вражду, и похоть, и дружбу, и флирт, и дела, и любовь, и вечно неизменное в непрестанной перемене.

Вы найдете также в этой книге людей, которые верят, что законы бытия можно познавать все больше и больше

и что, приспособляясь к этим законам, можно все больше и больше одухотворять мир.

Кроме того, роман расскажет о той борьбе людей, идей и понятий, которая разгорается вокруг экономического переворота.

Эта книга не преминет поведать и о слепоте человеческой к историческому прогрессу, и о той нерасторжимой связи, которой всё и все связаны между собой, но которую видят только немногие,

и о вере в медленный, медленный, но верный рост человеческого разума между последним ледниковым периодом и тем, что наступит.

Не говорите мне о «судьбе». Политика – вот что такое судьба.

Наполеон

Само понятие судьбы, понятие «шикзая» – предрассудок, ерунда...

Сталин

Художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчет дает только перечень подробностей.

Аристотель

Мы хотим взять из прошлого огонь, а не пепел.

Жан Жорес

Часть первая Оружие для Америки

Глава первая Бомарше

Дорога из Версаля в Париж шла по чудесной зеленой местности. Утром лил дождь, но сейчас тучи рассеялись, показалось солнце, и Пьер наслаждался влажной свежестью прекрасного майского дня.

Еще вчера, возвращаясь из Лондона, он был полон сомнений, он боялся, что из-за перемен в кабинете все его дело, которое он так тщательно продумал и с таким трудом продвигал, пойдет прахом. Подобные неудачи на него уже сваливались. Но на этот раз все сошло хорошо. Долгий, откровенный разговор с министром показал, что Версаль клюнул на его предложения. Граф Вержен проявил к планам Пьера интерес гораздо более глубокий, чем можно было предположить на основании сдержанных и осторожных писем графа. Обещания, которые ему дало сегодня правительство, превзошли все его надежды; большое дело было почти сделано.

Карета Пьера подъехала к перекрестку, откуда шла дорога в Кламар. Пьер приказал кучеру ехать медленнее. Он откинулся на спинку сиденья и, слегка улыбаясь, стал размышлять о том, чего он добился.

Пьер Карон де Бомарше провел последнее время в Лондоне в качестве тайного агента французского правительства. Дела, поручавшиеся этому ловкому, проворному человеку, были темные, грязноватые, не первой важности. Занимая весьма небольшую часть его времени, они оставляли ему досуг для более значительных проектов.

С той самой поры, как между королем Англии Георгом Третьим и его американскими колониями пошла распря, Пьер Карон де Бомарше со всей страстью стал на сторону американцев, на сторону мятежников. Подобно многим другим интеллигентам Парижа и даже Лондона, он приветствовал «бостонцев», «инсургентов», как людей, борющихся за осуществление великих идей французских и английских философов. Эти люди были полны решимости вести простую, близкую к природе жизнь, отказавшись от того изуродованного условностями, предрассудками и деспотическим произволом существования, которое влачили в Лондоне и Париже. Люди Нового Света желали построить свой государственный уклад на основе свободы, разума, близости к природе. И этих-то людей английский король хотел заставить огнем и мечом отказаться от их благородных намерений.

Пьер был всей душой за американцев, их делу он помогал не только словом, но и действием. Во всех кругах лондонского общества к нему относились доброжелательно, он дружил с вождями консерваторов и либералов, у него была возможность узнавать самые разнообразные подробности конфликта с колониями. Он собрал богатый материал, привел его в систему, сделал выводы и, хотя никаких поручений на этот счет никто ему не давал, посылал Людовику Шестнадцатому и его министрам донесения, отличавшиеся знанием дела, ясностью, дальновидностью. Вспоминая сегодня эти свои отчеты, Пьер был вправе гордиться собою: он, никем на то не уполномоченный тайный агент, с самого начала разглядел существо англо-американского конфликта лучше, чем официальный королевский посланник. События подтвердили его предсказания.

Вывод же, заключавший все его доклады версальскому кабинету, представлял собой настоятельное требование ослабить Англию, оказав поддержку повстанцам. Конфликт англи-

чан с колониями давал Франции единственную возможность избавиться от унижительного мира, навязанного ей Англией двенадцать лет назад.

Пьеру, конечно, было известно, что французское правительство не выступит открыто на стороне американских мятежников. Это означало бы войну с Англией, а для такой войны ни флот, ни армия не были еще достаточно сильны, не говоря уже о жалком состоянии финансов. Но Пьер знал, как выйти из трудного положения.

Он удовлетворенно улыбнулся. Он писал отчеты и давал советы, искренне стремясь помочь американцам отстоять дело свободы и разума. Но порой идеальные побуждения приносили и материальную выгоду. Кто считает, что поживиться на правом деле предосудительно, – дурак. Он, Пьер, не дурак. Чутьем искусственного дельца и привыкшего к интригам политического агента он сразу почувствовал, что борьба за свободу, если ее надлежащим образом направить, принесет не только духовную, но и материальную пользу.

Итак, понимая, что Франция еще не может позволить себе военный конфликт с Англией, Пьер хотел склонить французское правительство к тому, чтобы оно поначалу тайно поддерживало американцев, никак себя этим не компрометируя. Пусть частные лица, коммерсанты, поставляют инсургентам оружие и все необходимое – с виду на свой страх и риск, но втайне субсидируемые и всячески поощряемые французским правительством.

После долгой неопределенности, после того, как он уже отчаялся увлечь министра иностранных дел графа Вержена своим планом, расчеты Пьера наконец оправдались. Сегодня министр решился, сегодня он поручил Пьеру организовать предприятие в точности так, как тот предлагал. Снабжая инсургентов оружием и прочими материалами, Пьер может отныне аттестовать себя Тайным Уполномоченным французского короля.

Он был доволен собой. Он ловко провел нелегкую беседу с министром, он достойно увенчал все свои хитроумные приготовления.

Да, повстанцы нуждались во многом. Снаряжение их было поистине жалким, производительность их убогих фабрик – ничтожной. А нужно было полностью экипировать тридцать тысяч солдат. Министр спросил Пьера, действительно ли он и его деловые друзья способны поставить и перевезти за океан такое обилие товаров.

– Да, да, да, – ответил Пьер, ответил решительно и сразу, но тут же добавил: – Конечно, при условии, если королевский арсенал даст нам оружие по льготной цене и если нас не будут ограничивать в финансах.

Граф Вержен сказал, что свяжется с военным министром, а затем перешел к самому щекотливому пункту. Он спросил Пьера, каковы размеры правительственной субсидии, на которую тот рассчитывает.

Пьер уже заранее решил, что возьмется за это предприятие, если получит от правительства субсидию не меньше чем в миллион ливров. Но сейчас, когда министр собирался доверить ему огромные поставки, он понял, что до сих пор весь этот план был для него только игрой, и вместе с восторгом перед большой и почетной задачей его охватил страх: под силу ли его финансам и его кредиту такое гигантское предприятие. Миллион ливров – основа до смешного ничтожная, когда речь идет об экипировке тридцатитысячной армии. Но если попросить больше, если попросить слишком много, тогда, может быть, все пойдет насмарку.

Глядя с напускным спокойствием в выжидательно улыбавшееся лицо министра, он лихо радочно думал, какую сумму назвать.

– Я полагаю, – сказал он, – что трех миллионов хватит.

Последовала небольшая пауза, во время которой они смотрели друг на друга.

«Сейчас решается судьба Америки и моя», – думал Пьер.

– Мы можем обещать вам два миллиона, – сказал наконец министр. – Один миллион дадим мы, второй добудем вам у испанцев.

Почти оглушенный этим невероятным успехом, Пьер возвращался теперь в Париж в сиянии великолепного майского дня. Карета, в которой он ехал по прекрасной зеленой местности, была, пожалуй, слишком роскошна, спереди восседали кучер в богатой ливрее и грум-арапчонки, сзади – с дурацкой важностью, одетый в еще более богатую ливрею, пялил глаза лакей. Да и у самого Пьера, в сверхмодном костюме и с огромным брильянтом на пальце, вид был донельзя роскошный.

Он имел полное право устать. Эти последние дни были очень утомительны: ликвидация дел в Лондоне, спешка в пути, разговор с министром. Но Пьер не давал себе поблажек. Несмотря на склонность к полноте, он в свои сорок четыре года производил впечатление молодого человека, ему вполне можно было дать тридцать пять. Мясистое лицо его было румяно, слегка покатый лоб чист, карие глаза глядели выразительно и умно, под острым, прямым носом улыбались полные, красиво очерченные губы. Мягкий подбородок, разделенный ямкой, и маленький второй подбородок, выступавший из воротника дорогого кафтана, придавали его хитрому лицу добродушное выражение.

Проезжали Исси, и чем ближе был Париж, тем быстрее работали мысли в голове Пьера.

Фирма, которую он собирается основать, должна позаботиться и о внешней представительности. Его контора на улице Вьей-дю-Тампль, Отель-де-Голланд, – здание и без того ветхое, за время его пребывания в Лондоне пришло в полное запустение. Он его перестроит и обставит заново. Сразу же ему пришло в голову и название будущей фирмы. Он возьмет испанское имя, он любит Испанию, Испания всегда приносила ему счастье, он назовет фирму «Родриго Горталес». Он усмехнулся: отныне он, значит, сеньор Родриго Горталес. На должность управляющего он пригласит, конечно, Поля Тевено. Правда, Поль очень молод, и к тому же он человек больной. Но Поль испытан уже не раз и не два, он предан ему, Пьеру, он глядит на него, Пьера, с восхищением, он посвящен в его запутанные финансовые комбинации и сложные секреты, он очень талантлив, он обладает способностью наводить порядок там, где ему, Пьеру, уже не разобраться.

Два миллиона ливров – это звучит внушительно. Но дело идет об экипировке тридцатитысячного войска и о судах, которые должны доставить в Америку эту гору грузов. Просто счастье, что, торгуя лесом, он установил прекрасные отношения с крупнейшими судовладельцами. Как бы то ни было, свой кредит ему придется расширить до предела. Миллионов пять-шесть придется вложить в дело сразу же. Но когда еще да как еще заплатят американцы? На мгновение он почувствовал озноб. Он затеял очень большую игру. Но он тотчас же совладал с собой. Как бы ни обернулось дело, торговать мировой историей заманчивее, чем торговать лесом.

Жаль только, что все предстоит делать втайне. Ему хочется говорить, ему хочется прокричать на весь мир, какую задачу на него возложили. Но Вержен настоятельно просил его молчать. Всеми средствами нужно поддерживать видимость частного предприятия, ведущего самые невинные дела на свои собственные средства. Англичане и без того создадут сотни трудностей, они засыпят нотами министра иностранных дел. Если Пьер допустит неосторожность, ему нечего рассчитывать на заступничество Версаля, напротив, тогда его беспощадно бросят на произвол судьбы; министр, обычно весьма вежливый, разъяснил ему это до невежливости деловито и сухо. Значит, о своей всемирной миссии Пьеру нельзя говорить ни с кем, кроме нескольких деловых друзей и нескольких старших служащих. Он вынужден будет сносить вражду и насмешки в качестве какого-то там месье де Бомарше и не сможет даже заткнуть рот насмешникам и недоброжелателям, раскрыв перед ними свои козыри.

Но эти неприятные соображения сразу исчезли при мысли о той огромной роли, которая выпала на его долю. Любому ясно, что без помощи Франции восставшие американцы пропадут. И вот он, он один, Пьер де Бомарше, благодаря своему усердию, своей страстности, своему красноречию, своему знанию людей, своей гибкости добился от бесхарактерного короля

Людовика, от его тщеславных министров принципиального согласия на эту помощь. И только от его ловкости зависит теперь, получат ли американцы обещанное подкрепление, а если получат, то в каком размере. Судьба Нового мира, прогресс человечества зависят от его, Пьера, хитрости и ума.

Воображение быстро рисовало ему будущее. Он видел в складах французских портов непрестанно растущие штабеля ружей и горы мундиров, видел пузатые суда фирмы «Горталес и Компания», видел, как они уходят в море, груженные пушками для повстанцев, видел, как возвращаются, груженные индиго и табаком, – для него, Пьера. Он заранее наслаждался успехом своего плана. Да, предприятие, которое он затеял, – это та высокая задача, о которой он давно мечтал, задача, достойная Бомарше.

Он справится со своей задачей. Он обдeldывал дела, может быть, и не столь важные, но еще более трудные. И в то время, как с каждым оборотом колес он приближался к своему городу Парижу и к своей новой, захватывающей дух деятельности, в памяти его быстрой чередой проносились пережитые злоключения и радости.

Позади у него было множество невероятных неудач, но зато еще большее множество головокружительных успехов. Он, сын и подмастерье часовщика, заводил во дворце часы покойного его величества Людовика Пятнадцатого и сумел смышленостью и приятными манерами обратить на себя внимание старого короля. Он пришелся по душе немолодым королевским дочерям, и они назначили его своим учителем игры на арфе. Умный, капризный Дюверни, финансист, прошедший огонь и воду, заметил Пьера, посвятил его в махинации высокой финансовой политики и сделал своим компаньоном. Сметливый, проворный, наделенный светскими талантами и даром плести интриги, Пьер успешно повел дела фирмы Дюверни и свои собственные, купил титулы и придворные должности, стал процветать, снискал дружбу многих мужчин и любовь многих женщин, а своим живым, дерзким, острым, несдержанным языком нажил себе и немало врагов.

Потом были две его первые пьесы, он писал их между любовью и делами, что называется – левой рукой, но, пока он писал, левая рука его превращалась в правую. А потом были две его женитьбы, обе счастливые, обе жены были красивы и богаты, но обе скоро умерли, и остались от них лишь Шинонский лес, крупная лесоторговля, в которую он вложил часть их денег, и поток клеветы.

А потом умер Дюверни, великий финансист, уважаемый учитель Пьера, и жизнь Пьера стала еще беспорядочней, сумбурней. Его втянули в гнуснейшие судебные процессы, волна лжи начисто поглотила его состояние, бросила его в тюрьму, отняла дорогостоящие должности и титулы, лишила гражданских прав.

Но эта несправедливость оказалась для него благом. Эта несправедливость оказалась толчком, побудившим его написать блестящие, остроумнейшие политические брошюры. А эти брошюры еще больше, чем комедия о севильском цирюльнике Фигаро, распространили его славу по всему миру.

Полемические сочинения принесли ему также дружбу многих высокопоставленных лиц, и, так как после его процесса государственные должности были для него закрыты, один из этих друзей устроил его в секретную службу короля. Он стал снова карабкаться вверх и наконец достиг высочайшей вершины – миссии, которую ему сегодня доверили.

Да, сегодняшний день был поворотным, он давал возможность окончательно разделаться с недобрым прошлым, нет-нет да вторгавшимся в его теперешнюю жизнь. Наконец-то будет покончено с вопиющей несправедливостью того процесса и приговора.

Ибо нелепый приговор, который вынес тогда парижский Верховный суд, все еще сохраняет силу. Он, Пьер, едущий сейчас в своей роскошной карете в свой город Париж, Пьер, одетый в дорогой костюм и облеченный величайшим доверием правительства его величества, он, призванный решить труднейшую задачу, стоящую ныне перед Францией, больше того – перед

мировой историей, – он по приговору суда все еще лишен почетных прав, он не «оправдан», на нем «пятно». Так больше продолжаться не может, решает Пьер. Он заставит кабинет дать указание о пересмотре дела и восстановить его, Пьера, во всех правах. Если правительство этого не сделает, пусть поищет другого для своих интриг. Другого эти господа не найдут. Дело, которое задумал Бомарше, может довести до конца только Бомарше.

Наконец карета въехала в Париж. Быстрым счастливым взглядом окидывал он людей и дома. Всегда, возвращаясь в Париж, Пьер был горд от сознания, что он сын этого самого великого и самого красивого города в мире. Но никогда еще не испытывал он такой безудержной радости, как сегодня. Ни одна вершина не сияла еще перед ним так, как его новая цель.

Вот он едет, Пьер Карон де Бомарше, великий политик, делец, драматург. Он благодушен, временами даже великодушен и благороден, но сколько фиглярства в его безграничном, смешном тщеславии. Он быстро и уверенно судит о людях и явлениях и никогда не заглядывает в них глубоко. Он блестящий писатель и интересный собеседник, он бывает захватывающе патетичен и беспощадно остроумен. Он очень умен и совсем не мудр. Он жаден до наслаждений, но умеет мужественно сносить лишения и горе. Он восприимчив ко всем великим идеям своего времени, даже если они друг другу противоречат. Одни называют его знаменитым, другие – пресловутым. Где бы он ни был, вокруг него – зависть, злость, чьи-то задетые интересы, и все это атакует его оружием, подчас отравленным. Но бессчетное число людей, мужчин и женщин, и притом никак не самых худших, дружны с ним, а есть и такие, которые любят его и готовы всем для него пожертвовать.

Он многое пережил, он до краев полон прошедшим, но он не зазнался, и сегодня, в свои сорок четыре года, он так же жадно и любопытно смотрит вперед, как в шестнадцать лет, когда бросил ученье у отца и стал слоняться по парижским улицам. Любому событию и переживанию он по-прежнему отдается всем существом. Он не скупится. Он щедро расточает свое время, свои деньги, свой талант, свою жизнь.

Карета достигла уже многолюдных улиц городского центра. Пьер еще горделивее распрямляет плечи и принимает изящную позу. Половина Парижа его знает, каждый десятый с ним раскланивается. Он уверен, что множество людей глядят ему вслед и говорят друг другу: «Это месье де Бомарше, великий финансист, великий писатель, причастный ко всем делам государства». А ведь они даже не подозревают, какой новой, необычайной миссией, всему миру на благо, он облечен. Жаль, трижды жаль, что он не может ничего рассказать своим парижанам.

Увы, и сестрам нельзя ничего рассказать, и отцу. Они привязаны к нему, Пьеру, и он привязан к ним, но они слишком горячи, слишком темпераментны, они не смогут сохранить тайну.

Сейчас он их увидит, сейчас они окружают его, – нежные, любопытные, озабоченные, надеющиеся, любящие. Он улыбается еще шире, его красивое, умное, румяное лицо светится радостью, когда карета въезжает в пеструю, шумную улицу Конде, улицу, где находится его дом.

Ужин прошел весело. Слух о возвращении Пьера из Лондона успел уже распространиться, и, кроме домашних, собрались родственники и близкие друзья. Приятели Пьера всегда были в его доме желанными гостями; Жюли, сестра и домоправительница Пьера, отличалась широким гостеприимством.

Они сидели в просторной, щедро освещенной свечами столовой, слуги то и дело вносили блюда; в кухне и в погребе дома на улице Конде всего было вдоволь.

Здесь собрались только самые близкие. Семья Каронов была шумная, веселая, любопытная; настроение Пьера, сегодня особенно радостного, всех заразило. Кароны любовались своим Пьером, который по числу вызываемых им пересудов был вторым после королевы лицом в стране. И вот сразу же по возвращении из Лондона он был принят в Версале. Конечно же,

он затеял что-то грандиозное, что-то потрясающее. Но когда его спрашивали, он только ухмылялся.

– Да, Жюли, – отвечал он, – если ты хочешь завести еще одну карету или нанять еще нескольких слуг, то почему бы тебе этого не сделать?

Большого от него не удавалось добиться. Зато он много рассказывал о своем пребывании в Лондоне. Климат в том краю отвратительный, но женщинам он идет на пользу, он делает их кожу белой и нежной; а рыжеволосые, которых там немало, очень пикантны. И, нимало не смущаясь присутствием пятнадцатилетнего племянника Фелисьена, он принялся повествовать о своих любовных приключениях.

Жюли ловила каждое слово Пьера. Живая, приятная сорокалетняя дама, она была похожа на брата, у нее было такое же румяное лицо, такой же прямой большой нос, такие же умные карие глаза. Она боготворила брата и ради того, чтобы жить вместе с ним, отвергла множество женихов. Она вмешивалась во все его дела. Между ними часто вспыхивали ссоры, оканчивавшиеся в тот же день страстным примирением. Обоим доставляло удовольствие ссориться и мириться.

Тонтон, младшая сестра, еще более красивая, чем Жюли, сидела рядом со своим мужем, молчаливым советником юстиции де Мироном, и без умолку болтала. Ей хотелось, говорила она, сшить себе платье у мадемуазель Бертен, портнихи королевы. Но мадемуазель Бертен велела ей передать, что раньше чем через два месяца не сможет принять заказ и что самая низкая плата, которую она берет с дамы, не представленной ко двору, – две тысячи ливров за модель.

Тут наконец заговорил Филипп Гюден, ученый, вернейший среди верных друзей Пьера. Филипп очень любил изысканные, обстоятельные фразы. Этот дородный господин, любитель поест, расстегнул панталоны под длинным широким кафтаном и заправил в рукава кружевные манжеты, чтобы они не мешали ему во время еды. Он развалился в кресле, заполнив его собою, и разглагольствовал о жизненном уровне различных сословий. Приводя по памяти точные цифры, он рассуждал, как можно израсходовать две тысячи ливров, которые берет за модель платья мадемуазель Бертен. С удивительной точностью он подсчитал в уме, сколько лет нужно проработать лесорубу, чтобы заработать эту сумму, и сколько лесорубов могли бы прожить на нее в течение года. Получалось семь целых и девять шестнадцатых лесоруба. Однако Пьер, со свойственным ему легкомыслием и миролюбием, заметил:

– Мадемуазель Бертен первая модистка мира и, может быть, величайшая художница всех времен. Почему же она должна сбивать себе цену? Знаешь что, Тонтон, закажи платье на мой счет.

Тонтон, просияв, стала бурно благодарить брата.

Секретарь Мегрон доложил, что привратник насчитал свыше ста визитеров, явившихся в этот день по случаю возвращения месье де Бомарше.

– Да, – сказал старый папаша Карон, голос у него был высокий, но не стариковский, все зубы у него были еще целы, – город заметил, что наш Пьер вернулся.

С чуть насмешливой, но очень довольной улыбкой Пьер похлопал отца по плечу. Быстро пронюхали, что он идет в гору, сразу примчались. Но ему не хотелось быть несправедливым. Они ведь приходили и тогда, когда ему не везло; им восхищались и в счастливые, и в несчастливые дни.

Пьер всегда знал об этом восхищении и знал, что такое восхищение обязывает. Все его дела на виду, и поэтому малейшее пятнышко заметно. Он не имеет права допустить оплошность, ему всегда надо быть начеку, чтобы снова и снова убеждать малOVERОВ.

Вот, например, юный Фелисьен Лепин, сын его старшей сестры Мадлен. Когда родители Фелисьена умерли, Пьер взял на себя воспитание мальчика и определил его в аристократический коллеж Монтегю. Режим в коллеже был строгий, программа обширная, и, хотя Фелисьен

не был тупицей, учиться этому медлительному, тяжелому на подъем мальчику было нелегко. Еще труднее давалась ему обязательная в коллеже придворная наука – фехтование, верховая езда, танцы и этикет. Товарищи-аристократы не упускали случая попрекнуть его тем, что он сын часовщика-буржуа Лепина; изводили Фелисьена также злобными шутками насчет грязных делишек его дядюшки Пьера. Фелисьен никогда не жаловался, но он страдал. В пятнадцать лет в нем не было ничего мальчишеского; он был тяжеловеснее и задумчивее остальных Каронов, серьезнее и взрослее, чем сорокачетырехлетний Пьер. Разумеется, он был признателен знаменитому дяде за его благодеяния. И хотя Пьер легко находил общий язык с детьми, Фелисьен оставался ему чужим. Пьеру не удавалось завоевать доверие племянника. Фелисьен внимательно наблюдал за всеми делами Пьера, но Пьеру было неясно, что означает это внимание – восхищение или критику. Сегодня он снова испытывал неловкость, встречая взгляд больших серьезных глаз мальчика.

Он отвел глаза и посмотрел на другой конец стола, где сидел Поль Тевено. Он улыбнулся Полю, и тот ответил ему счастливой улыбкой. Привязанность Поля была особенно приятна Пьеру после легкого разочарования, которое он всегда испытывал при виде Фелисьена. Пьер был горд, что нашел такого человека. Судьба сначала свела их как врагов, во времена, когда у Пьера была жестокая распря с братом Поля; но Пьер быстро завоевал дружбу и восхищение молодого человека.

Наружностью Поль не блистал. Вид у него был весьма жалкий. Сюртук на нем висел; он подносил еду ко рту неверными движениями маленьких костлявых рук. Но над опущенными плечами очень молодо и красиво возвышалось его полное лицо с большими сияющими карими глазами. Он был незаменим, этот юноша, он был чертовски умен. Какая жалость, что у него больная гортань и дни его сочтены, хотя ему всего двадцать шесть лет.

Между тем разговор коснулся одной только что вышедшей книги о Вест-Индии, и всезнайка Филипп Гюден пустился в ученое рассуждение о важной роли этих островов в экономике королевства. Он по памяти приводил цифры, называл количества ввозимого оттуда сахара, табака, индиго, хлопка, какао, перца, кофе, и цифры эти звучали весьма внушительно.

– Если бы меня послушались, – вмешался Пьер, – эти владения принесли бы и совсем другие выгоды. Я однажды составил проект, который мог обеспечить нам отличную монополию, монополию торговли неграми. Если бы Версаль монополизировал вест-индскую торговлю, как я предлагал, денег в государственной казне было бы предостаточно, король смог бы провести прогрессивные реформы Тюрго и в стране было бы больше справедливости и свободы. – «И больше денег для Америки», – подумал он про себя. Вслух он сказал: – Когда новый торговый договор с Испанией будет наконец подготовлен, тогда, наверно, еще вспомнят о моем проекте.

Теперь все заговорили об Испании. Месяцы, проведенные Пьером в Мадриде, были лучшими в его жизни. Это было бурное, сумасшедшее время. Из множества сцен, делавших его жизнь столь драматичной, самой великолепной, пожалуй, была та, в которой он заставил соблазителя своей сестры Лизетты, коварного труса Клавиго, восстановить ее честь. Да, Пьер превратил свою мадридскую жизнь в сложный, увлекательный спектакль, полный страсти, остроумия, музыки, денег, большой политики, стихов, театра и красивых, доступных женщин. При этом, будучи примерным семьянином, он находил еще время подробно писать обо всем отцу и сестрам, писать со вкусом, настолько ярко и увлекательно, что те переживали вместе с ним каждое событие. Теперь, когда он снова возвратился из продолжительной и успешной поездки, они цитировали эти старые письма, наперебой припоминали подробности, смеялись, блаженствовали.

Жюли попросила его спеть для Фелисьена несколько испанских песен, сегедилий и сайнете, другие тоже стали осаждать его просьбами. Фелисьен оживился, для него было праздником послушать пение дяди. Принесли гитару.

Но не успел Пьер начать, как пришел еще один гость, месье Ленорман д'Этьоль.

Все поднялись ему навстречу, довольные и польщенные. Месье Ленорман приветствовал Жюли с медлительно-церемонным изяществом. Одет он был очень тщательно, в его дорогом, но не бросающемся в глаза костюме было что-то старомодное, – месье Ленормана не смущало, что одежда подчеркивает его шестьдесят лет.

Ленормана представили тем из гостей, с кем он не был знаком. Тонтон с особым любопытством разглядывала этого могущественного человека, о котором она столько слышала и который был другом ее брата Пьера. Месье Ленорман был тучноват. Маленькие, глубоко сидящие глаза на мясистом лице глядели меланхолично, от носа к углам полного рта тянулись глубокие складки. Это было лицо любителя удовольствий, пережившего разочарования и ставшего поэтому недоверчивым и все же не собиравшегося отказываться от радостей жизни.

Еще из Лондона Пьер написал месье Ленорману, что возвращается по очень важным делам в Париж и будет рад увидеть его, Шарло, как можно скорее. В глубине души Пьер надеялся, что Ленорман придет в первый же вечер, но не решался признаться себе в этой надежде; случилось, что Ленорман заставлял ждать, и не один день, самого премьер-министра. То, что он пришел к нему сразу же, было для Пьера самым лучшим венцом счастливого дня.

Шестидесятилетний Шарль-Гийом Ленорман д'Этьоль происходил из старинного дворянского рода, ему ничего не стоило получить любую придворную должность и любой самый высокий титул. Но он предпочитал, чтобы в обществе поменьше о нем говорили, и довольствовался скромным званием «королевского секретаря»; Пьер, еще до того, как лишился почетных прав, приобрел вдобавок к этому титулу несколько более звонких. У Ленормана был откуп на налоги с двух провинций, кроме того, он участвовал в различных других предприятиях. Он слыл необыкновенно умным и осмотрительным человеком, его удачливость вошла в поговорку, он любил деловой мир. Ленорман принадлежал к старинному дворянскому роду, ему было не к лицу заниматься промышленной и коммерческой деятельностью, поэтому он обычно прибегал к помощи подставных лиц; в деловой контакт с Пьером он всегда вступал с удовольствием.

С этим влиятельным человеком Пьер познакомился в доме своей приятельницы Дезире Менар. Пьер прекрасно понимал, что поначалу Ленорман искал его дружбы только потому, что был влюблен в Дезире и боялся, как бы Пьер не стал ему поперек дороги. Но постепенно они прониклись друг к другу симпатией, их знакомство переросло в настоящую дружбу, они называли друг друга Шарло и Пьеро. Бомарше восхищался деловым гением Ленормана и постоянно обращался к нему за советом, а Ленорман радовался смысленности своего ученика. Он помогал Пьеру в самые тяжкие времена, и это он, Ленорман, благодаря своим связям с премьер-министром добыл Пьеру место тайного агента в Лондоне, когда тот в результате громкого процесса лишился состояния и должностей.

Ленорман, в свою очередь, ценил светские таланты Пьера, его живость, его остроумие, его умение схватывать все на лету, его литературную деятельность и, не менее всего прочего, – его глубокое знание театра. На домашней сцене Ленормана, в замке Этьоль, спектакли устраивались по всем правилам, и без советов и сотрудничества Пьера нельзя было обойтись.

Жюли усадила месье Ленормана за стол, захопотала, стала угощать его конфетами и вином. Он учтиво грыз имбирь в сахаре, в то время как собравшиеся продолжали говорить об Испании. Желая угодить Пьеру, Филипп Гюден напомнил ему о его обещании спеть для Фелисьена несколько испанских песен.

Но с приходом Ленормана Испания для Пьера перестала существовать, он думал теперь только об Америке. Он рассчитывал на участие Шарло в фирме «Горталес и Компания», ему нужны были пять-шесть миллионов ливров, он нуждался в помощи Шарло, а уж если в деле будет доля месье Ленормана, остальные пайщики появятся сами собой. Вот почему Пьеру не терпелось узнать, что скажет Шарло по поводу его грандиозных замыслов, вот почему ему не

терпелось с ним поделиться. Человек настроения, Пьер хотел поговорить с ним как можно скорее, немедленно, сию же минуту.

Любезно, но со всею решительностью пообещав собравшимся спеть в другой раз, он попросил у Жюли разрешения встать из-за стола и вместе с Ленорманом, Полем Тевено и секретарем Мегроном удалился в свой кабинет.

В кабинете зажгли свечи, и из темноты медленно выступили контуры просторной, роскошно убранной комнаты. По углам стояли бюсты Аристофана, Мольера, Вольтера и хозяина дома. На стенах висели картины и всяческие украшения, но посредине оставался большой голый простенок. Это место сохранялось для великолепного портрета покойного Дюверни, написанного известнейшим портретистом Дюплесси. Дюверни завещал портрет Пьеру, но на этом злосчастном процессе завещание оспорили, и картина была присуждена другим наследникам. Пьер дал себе слово во что бы то ни стало добиться своей части наследства, и голое пятно в роскошной комнате служило ему постоянным напоминанием об этом решении.

Шарло, по просьбе Пьера, сел за письменный стол. Стол этот представлял собой могучее, затейливо украшенное сооружение. Он был сделан мастером Плювине из благородного, редкого дерева, выпясанного для этой цели из-за океана, резьбу выполнил Дюпен, и стол был если не самым красивым, то, уж во всяком случае, самым дорогим в королевстве.

Итак, их было четверо. Шарло сидел за письменным столом, глубоко запавшие глаза его были полузакрыты. Секретарь Мегрон вооружился бумагой и карандашом – новомодной письменной принадлежностью, которую Ленорман терпеть не мог, потому что считал ее плебейской. Мегрон был уже много лет личным секретарем Пьера. Рассказа Пьера он, конечно, ждал с интересом. Но Мегрон был молчалив, он редко высказывал свое мнение, от оценок же и вовсе воздерживался, и сейчас, как всегда, лицо Мегрона ничем не выдавало его нетерпения. Поль Тевено, напротив, своего волнения не скрывал; он сидел на краю стула, уставившись на Пьера большими лихорадочными глазами.

Пьер говорил стоя, делая время от времени несколько шагов по комнате. Пылко и патетически, искусно оттеняя наиболее эффектные моменты, он поведал о своих докладных записках королю и министрам, о беседе с Верженом. Сказал, что потребовал субсидию в три миллиона ливров, хотя, по его подсчетам, безусловно, хватило бы и одного миллиона. В заключение Пьер скромно, мимоходом заметил, что правительство твердо обещало ему два миллиона.

Даже на невозмутимого секретаря Мегрона эта цифра явно произвела впечатление, – он удивленно взглянул на Пьера. А Поль Тевено просто пришел в восторг; молодежливое, раскрасневшееся лицо чахоточного озарилось сиянием больших прекрасных глаз, ему не сиделось, он подошел к Пьеру, схватил его за руку и взволнованно произнес:

– Наконец-то кончилось время слов. Наконец-то настало время дел. Я восхищаюсь вами, Пьер.

Пьер знал, что Поль, несмотря на свою молодость, человек вполне деловой, и Пьеру было приятно, что его новости привели Поля в такой восторг. Но важнее всего по-прежнему было мнение месье Ленормана.

А Ленорман молчал. Округлое печальное лицо его оставалось неподвижным, и его подернутые поволокой глаза под нависшим выпуклым лбом ничего не выдавали. Наконец Пьер не выдержал и спросил напрямик:

– Ну а вы, Шарло, что думаете?

Все обернулись к месье Ленорману. Тот жирным, тихим голосом задумчиво и деловито спросил:

– А кто будет платить, если американцев побьют?

– Их не побьют, – энергично возразил Пьер, – это я в своих докладных королю убедительно доказал.

Месье Ленорман не удовлетворился таким ответом.

– Одно пока что не подлежит сомнению, – сказал он, – денег у повстанцев нет.
– Но у них есть товары, – тут же ответил Пьер, – индиго, табак, хлопок.
– Кто сказал вам, – возразил на это Шарло, – что они пошлют эти товары именно вам?
– Они борются за свободу, – горячо отпарировал Пьер, – они исполнены идеалов Монтескье и Руссо, такие люди платят свои долги.

Шарло ничего не ответил. Он только взглянул на Пьера, и при этом искривленные углы его рта искривились еще больше. Другие, может быть, ничего не заметили, но Пьер хорошо знал эту улыбку Шарло и боялся ее. Она шла из глубины души, эта усмешка, за ней был большой опыт, превратившийся в чувство и убеждение, при виде ее никла вера, увядала уверенность. Пьер ждал, что на сей раз дело обойдется без усмешки Шарло. И когда надежда эта не оправдалась, в нем снова с полной отчетливостью возникло сознание опасности, которой он подвергает себя, отваживаясь на подобное предприятие. Вся рискованность своей американской авантюры он увидел на мгновение с предельной ясностью. Но уже в следующее мгновение он сказал себе: «Все равно. Дело делом, а Америка главное. Рискну».

Чуть заметная усмешка сошла с лица месье Ленормана. Но он все еще продолжал молчать.

– С другой стороны, – произнес он наконец, – с другой стороны, двухмиллионная правительственная субсидия не такая уж плохая штука.

– Да, совсем неплохая, – не без злорадства вмешался Поль Тевено. Обычно в присутствии генерального откупщика молодой человек держался скромно, но сегодня его захватила грандиозность замыслов Пьера.

– Два миллиона субсидии – неплохая штука, – повторил он и, не в силах обуздать свои чувства, стал шагать по просторному кабинету взад и вперед. Было что-то гротескное в его худобе, в угловатых движениях, в свисающем с плеч сюртуке, в непомерно тощих, плотно обтянутых чулками икрах. Но Пьер, как и Шарло, глядел на радостное возбуждение молодого человека с симпатией, и даже у секретаря Мегрона восторги Поля не вызывали неодобрения.

С самых юных лет Поль Тевено искал человека, которого он мог бы почитать, и дело, в которое он мог бы верить. И вот он нашел Пьера. Поля восхищали внезапные, гениальные идеи его старшего друга, он жадно ловил каждое его слово, когда того осеняли великие замыслы – планы, охватывавшие весь мир; Поль был убежден, что сама судьба уготовила Пьеру историческую миссию и что остановка только за поводом. Теперь у Пьера нашелся и повод – Америка.

– Я надеялся, Шарло, – вежливо обратился Пьер снова к месье Ленорману, – что участие в этом деле не будет для вас неприятно.

– Все может быть, – отвечал месье Ленорман, и глубоко сидящие глаза его глядели при этом меланхолично, – во всяком случае, очень любезно с вашей стороны, дорогой Пьер, что вы посвятили меня в эти важные новости первым. Доставьте же мне удовольствие и поужинайте завтра со мной. А я к тому времени обдумаю это дело.

Пьер знал Шарло, знал его недоверчивость. И все-таки он был разочарован, когда оказалось, что впереди еще целые сутки ожидания.

Было уже поздно, Шарло стал прощаться. Вслед за слугой, несшим подсвечник, он спустился по широким ступеням, и Пьер проводил гостя до самых ворот.

Когда Пьер вернулся, на верхней площадке лестницы его ждала Жюли. Она бросилась ему на шею, смеясь и плача.

– Ты подслушивала? – спросил Пьер.

– Конечно, – ответила Жюли.

Рядом с просторным кабинетом Пьера была маленькая уютная комнатка, в которой он иногда принимал дам, приходивших к нему по делу. Жюли обычно подслушивала оттуда его разговоры.

– Какое свинство, – сказала она нежно, – что своему Шарло ты рассказываешь о своих успехах, а мне нет. Я очень зла на тебя и очень счастлива. – И она снова обняла брата.

– Успокойся, – сказал он и тихонько повел ее в комнатку, из которой та только что вышла.

В комнате этой не было ничего, кроме двух стульев, большого дивана и ларца. В ларце Пьер хранил самые дорогие реликвии. Там находилось описание изобретения, сделанного им в молодости и применявшегося теперь в часовой промышленности далеко за пределами Франции. Были там и рукописи брошюр времен его большого процесса, принесших автору мировую славу, и черновик «Севильского цирюльника», и квитанции на суммы, заплаченные им за дворянское звание и придворные должности, и лучшие из любовных писем, им полученных. Теперь уж недалеко то время, когда он сможет присоединить к этой коллекции еще один документ, документ мирового значения.

И вот, глядя на ларец, Пьер делился новостями с сестрой. Он решил ни во что ее не посвящать, и, прежде чем начинать разговор с Шарло, следовало, конечно, принять меры, чтобы она не подслушивала; было просто неумно рассказывать ей еще больше. Но, побаиваясь сдержанности Шарло, он вынужден был в беседе с ним держаться рамок делового, сухого доклада, и теперь ему надоело себя обуздывать. С великим воодушевлением расписал он сестре, как великолепно все будет. Они глядели друг на друга блестящими глазами, воспаряя в мечтах все выше и выше. Затем он взял с нее слово, что она не проговорится никому на свете, даже отцу: на старости лет люди становятся болтливы, а в этом деле важно соблюсти тайну.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, поцеловались.

Эмиль, камердинер Пьера, дожидаясь хозяина, чтобы уложить его в постель. Быстро и ловко снимая с Пьера его сложный костюм, он спросил его с почтительной конфиденциальностью:

– У месье был сегодня удачный день?

– Очень удачный, – ответил Пьер. – Желаю всем добрым французам таких же дней.

Эмиль раздвинул тяжелый полог, за которым на возвышении стояла роскошная кровать. Пьер потребовал фруктов в сахаре, пригубил приготовленный ему на ночь напиток. Эмиль укрыл Пьера и задернул полог, чтобы смягчить проникавший в альков свет ночника. Пьер громко, с удовольствием зевнул, лег на бок, подтянул колени к подбородку, закрыл глаза.

Но прежде чем он успел уснуть, свет снова стал ярче, кто-то раздвинул полог.

– Что там еще, Эмиль? – спросил Пьер, не открывая глаз.

Но это был не Эмиль, это был отец Пьера. Он сел на край низкой, широкой кровати. В халате, домашних туфлях и ночном колпаке старик Карон казался совсем дряхлым.

– Скажи мне теперь, сын мой, – начал он, – в чем, собственно, дело. Я понимаю, при девочках тебе не хотелось говорить: женщины болтливы. Но теперь-то мы одни.

Пьер зажмурился. Ноги старика, торчавшие из-под халата, были волосаты и тощи, но его глаза, смотревшие на сына с нежностью, волнением и любопытством, были полны жизни и молодости.

Отношение Пьера к отцу было двойственным. Старик Карон происходил из гугенотской семьи, его как протестанта заставили пойти на военную службу, потом он отрекся от своей веры, стал дворцовым часовщиком и ревностным католиком. Образ жизни Пьера не раз вызывал стычки между отцом и сыном. Пьер бросил было учиться у отца, но затем, после нескольких неудачных попыток начать самостоятельную жизнь, вернулся к отцовскому очагу. Отец, однако, сменил гнев на милость только после того, как добился от раскаявшегося сына обстоятельного письменного соглашения, точно устанавливавшего сыновние права и обязанности. Во время этих событий и много раз впоследствии старик предсказывал сыну, что тот плохо кончит. Но сын отнюдь не собирался плохо кончать, напротив, он сумел купить себе дворянство и всяческие звонкие титулы. Желая добиться признания своего дворянства, он потребовал от отца, чтобы тот оставил свое буржуазное ремесло. Возмущенный папаша Карон наотрез

отказался бросить любимое дело, и Пьеру пришлось напомнить отцу, что, отрекшись от протестантства, тот не прогадал ни в материальном, ни в нравственном отношении. Старик в конце концов смирился, но держался гордо.

Пьер любил отца. Он считал, что своим умением строить пьесы, а также политические и деловые интриги, в которых сотни шестеренок так целесообразно взаимодействовали, он обязан урокам часового мастерства, и был благодарен за это отцу. Пьер взял старика к себе в дом и назначил ему пенсию. Отец принял пенсию, отверг ее, снова принял; он поселился в доме Пьера, ушел из этого дома, поселился в нем снова. Когда Пьер, проиграв процесс, лишился привилегий и титулов, старик над ним издевался: стоило ли бросать свое доброе, честное ремесло? В последние годы отец и сын отлично ладили, дружно потешаясь над собой и над глупо устроенным миром. Хотя порою они все еще обменивались колкостями, они прекрасно знали, что любят друг друга и что им надо быть вместе. Иногда Пьер выходил с отцом на прогулку в Версальский парк и знакомил его со своими друзьями из высшей аристократии.

– Это мой добрый старый отец, – говорил он нежно, и старик, казавшийся в своем буржуазном платье необычайно стройным, отвечивал учтивый, хотя и не слишком низкий поклон.

И вот теперь старик Карон сидел на постели сына, которого боготворил и которому всегда пророчил, что ничего из него не выйдет, и, полный счастливого любопытства, ждал рассказа о новом, невероятном успехе, которого тот снова достиг.

Для Пьера было событием сообщить об удаче своему другу Шарлю. Для него было счастьем поговорить о ней с Жюли. Но рассказать все отцу было для него высшим блаженством.

Старик пришел в сильнейшее возбуждение; в развевающемся халате бегал он по комнате, жестикулировал, говорил сам с собой, возвращался к кровати, гладил сына по плечу. А тот совсем стряхнул с себя усталость, приподнялся. Перед отцом он не испытывал никакого смущения, он занесся в мечтах еще выше, чем когда говорил с сестрой. С поглупевшим от блаженства лицом, освещенным неясным светом ночника, развертывал он перед стариком свои замыслы, рассказывал, как выйдет в море флот торгового дома «Горталес», его, маленького Пьера, месье Пьера-Огюстена де Бомарше, флот, какие горы пушек, ружей, пороха повезут его корабли, как это оружие, его, Пьера, оружие, разгромит тиранию Англии и распространит свободу по всему миру, не говоря уже о несметных богатствах, о запасах индиго, ситца и табака, с которыми вернется этот флот и которые достанутся семейству Карона де Бомарше.

Папаша Карон много читал, он был образованным человеком и добрым французом. Он гордился той огромной ролью, которая принадлежала Франции в исследовании и колонизации Нового Света, и злился на англичан, лишивших его страну ее законной доли и заставивших добрых христиан французам действовать такими же отвратительными средствами, как они сами, – например, объединяться с краснокожими, чтобы сдирать кожу с черепов у белых людей. Теперь, значит, его сын поможет народу, живущему по законам разума, этим храбрым бостонцам, этим близким к природе квакерам, рассчитаться с англичанами раз и навсегда.

В глубине души папаша Карон так и не отделился от чувства, что его отступничество от гугенотской веры – грех и что Бог накажет его за это в его детях и в детях его детей. Когда ему не везло, в нем оживало сознание своей вины перед верой. Теперь оказалось, что Бог может войти в положение бедного гугенота, вынужденного пойти в солдаты. Бог одобрил выбор человека, который предпочел быть порядочным, богобоязненным часовщиком-католиком, чем гугенотом-драгуном. Бог понял, Бог простил. Иначе он не облек бы его сына Пьера этой всемирно-исторической миссией.

Впервые окончательно освободившись от чувства вины, Андре-Шарль Карон гладил руку своего сына.

– Америка, – бормотал он про себя, – мой Пьер освободит Америку.

Большую часть своей работы Пьер обычно проделывал в спальне, утром, как только вставал с постели, за туалетом. Так было принято в высшем свете, и обычай этот отвечал склонностям Пьера. Ему льстило, что люди собираются у него в доме, чтобы, покамест хозяина одевают, обратиться к нему с просьбой, жалобой, предложением. Приходила обычно весьма пестрая публика, и он видел перед собой сложную смесь честолюбия, нужды, корысти, почтительности, наглости и карьеризма.

На этот раз, благодаря разговорам о намерении Пьера основать новое, очень крупное предприятие, посетителей собралось больше, чем обычно; они толпились даже в коридоре.

Пьеру всегда доставляло удовольствие благодетельствовать, осыпать милостями; теперь он мог дать себе волю. Фирме «Горталес и Компания» нужны были агенты во всех портовых городах, ей нужны были писцы, конторщики, рассыльные, ливрейные лакеи.

Он сидел за туалетным столом, вокруг него хлопотали камердинер Эмиль и парикмахер, он кивал, отвечал на поклоны, расточал любезности, шутил, был в высшей степени милостив; если не мог удовлетворить просьбу сразу, обещал помочь, обнадеживал.

В числе прочих пришел капитан Аделон. Если Пьеру надо будет послать корабль через Атлантический океан, то капитан проделал этот путь сто двадцать три раза, у него великолепные рекомендации, месье Мегрону стоит записать его имя.

В числе прочих пришла мадам Шэ. Много лет, даже десятилетий назад у Пьера что-то с ней было. Теперь эта женщина, все еще довольно аппетитная, напомнила ему, что она замужем за владельцем столярной мастерской. Пьер не сомневался, что в связи с переустройством торгового дома в Отель-де-Голланд у него возникнут приятные связи с этой мастерской, и месье Мегрон снова записал адрес.

Пьер наслаждался ажиотажем вокруг себя, сознанием, что его почитают, что у него в руках власть. Все явились, и всякого рода друзья, и всякого рода враги. Должно быть, за одну ночь известие о счастливом повороте дел месье де Бомарше успело облететь огромный город, и люди, прежде общавшиеся с Пьером крайне редко, вспомнили вдруг, что состоят с ним в дружбе или даже в родстве. В числе прочих пришел сын двоюродного брата второй жены его отца. В числе прочих пришел племянник мужа его сестры Тонтон.

Являлись люди, почувывшие выгодное дело, и люди, не желавшие ссориться с влиятельным писателем, в том числе и важные господа. Пришел барон де Труа Тур, вложивший деньги в важнейшую на севере верфь Пелетье, пришел месье Гаше из бордоской судовладельческой компании «Тестар и Гаше». И восторг переполнил сердце Пьера, когда пришел сам шевалье де Клонар, синдик всемогущественной «Компани дез Инд».

Явился и месье Клерваль из «Театр дез Итальян». Между Пьером и этим большим актером давно существовала скрытая вражда. Впервые пьесу «Севильский цирюльник» Пьер прочел труппе «Театр дез Итальян», труппа была восхищена пьесой, но постановку так и не удалось осуществить. Месье Клерваль, которому предназначалась роль цирюльника, сам был когда-то цирюльником и не желал, чтобы вспоминали о его прошлом. Затем «Севильский цирюльник» принес огромный, невероятный успех конкуренту – «Театр Франсе»; месье Клерваль больше не вспоминал о своем отказе от роли и не преминул навестить дорогого друга Пьера тотчас же по его возвращении.

Был среди визитеров и журналист Метра, который не раз нападал на Пьера, и нападал особенно злобно.

– По какой цене продаетесь вы сегодня, милейший? – спросил его дружелюбно Пьер, и журналист отвечал:

– Такой коллега, как вы, всегда может рассчитывать на максимальную скидку.

Но Пьер уже не слышал его ответа. К своему торжеству, он увидел позади журналиста характерную, исполненную достоинства голову месье Ренье. Важная персона, судья Верхов-

ного суда, Ренье не побоялся явиться с визитом к нему, человеку «осужденному», «запятнанному».

И снова просители, снова просители. Пьер никого не оставлял без внимания. Он умел обращаться с людьми, и стоило ему сказать человеку даже несколько ничего не значащих слов, тот уходил с таким чувством, как будто Пьер особо его отличил.

Счастливым среди этой суеты, Пьер готов был растянуть свой утренний прием. Но ему доложили, что в кабинете его ждет дама, мадемуазель Менар.

Это было в духе Дезире. Она примчалась к нему в дом, пренебрегая условностями. Пренебрегая антипатией, которую обычно столь добродушная Жюли не упускала случая выказать ей.

Жюли считала Дезире источником всех бед Пьера. Дезире оказалась в свое время причиной драки между Пьером и ревнивым герцогом де Шольном, и герцогу удалось упрятать в тюрьму ни в чем не повинного Пьера. Это случилось как раз в решающие дни большого процесса, и Пьер не смог должным образом отстоять свои интересы. Поэтому, по мнению Жюли, вина за неблагоприятный исход процесса и за его последствия лежала не на ком ином, как на Дезире Менар. Жюли просто не понимала, как может Пьер после всего случившегося держать у себя в доме портрет Дезире; она часто говорила, что не выносит этой дамы, и непрестанно требовала, чтобы Пьер избавился от портрета, прекрасного портрета кисти Кантена де Латура. Пьер только посмеивался; портрет был великолепен, да и Дезире была великолепна, он был крепко привязан к Дезире и к портрету.

Он распрошлся с утренними посетителями и прошел в кабинет. Там сидела Дезире. Сидела не на парадном, неудобном стуле, а на монументальном письменном столе, отодвинув бумаги и безделушки, – рыжеватая, небольшого роста, очень стройная, в удобной, независимо-дерзкой позе. Увидев Пьера, она засмеялась.

– Хорошо я сделала, что приехала? – спросила она.

Он с радостью глядел на ее красивое, озорное лицо с чуть вздернутым носом.

– Приятно видеть разумного человека, который ничего от тебя не требует, – сказал он и поцеловал ее руку, шею и затылок.

– Ну, старый плут, – сказала она, – говорят, ты затеваешь что-то грандиозное. Я уже чувствую, что мне придется снова вытаскивать тебя из «Фор ль'Эвек». – (Это было название тюрьмы.)

Пьер и Дезире знали друг друга давно. Оба были детьми парижской улицы, оба любили Париж и страстно любили театр. Обоим пришлось пройти через всякую грязь, прежде чем они добились положения в обществе, оба любили жизнь, знали в ней толк и принимали ее без прикрас, не притворяясь ни перед собой, ни перед другими. Дезире была известной актрисой, в ее доме бывали маститые писатели, люди, имевшие влияние при дворе и в деловых кругах. Она искала общества сильных мира сего, потому что это могло быть полезно, однако громкие имена аристократов и дельцов нисколько ее не ослепляли, она отлично видела, как неразумно правят Францией, и смотрела на этих господ с высоты своего здравого смысла. Точно так же смотрел на них Пьер. Оба прочно вошли в круг привилегированных. Оба испытывали к привилегированным бесконечное, слегка завистливое презрение. Первые, бурные времена их страсти давно прошли, осталась прочная дружба. Случалось, что, даже находясь в Париже, они не видались неделями и месяцами, но оба отлично знали, что могут друг на друга рассчитывать.

Дезире спрыгнула со стола. Она отворила дверь в маленькую комнату, посмотрела, не подслушивает ли Жюли. При этом лукавое лицо ее сморщилось.

– Воздух чист, – сказала она, – выкладывай.

Пьер рассказал ей об американском предприятии в деловом тоне, патетические фразы в ее присутствии звучали бы смешно. Как и весь прогрессивный Париж, она относилась к делу

американцев, к их грандиозной попытке построить государство на началах свободы, разума и близости к природе, с полным сочувствием.

– А я уж боялась, – заметила она, – что ты состряпал что-нибудь вроде монополии на работоторговлю или откопал новую любовницу для испанского короля, которая будет твоей шпионкой. Америка, – заключила она с теплотой, – это правое дело.

– И очень приятно, – хитро улыбнулся Пьер, – что на этот раз за преданность правому делу будут платить. Это потрясающее предприятие, Дезире, вот увидишь. «Компани дез Инд» окажется мелкой сошкой по сравнению с моей фирмой «Горталес».

– Мне кажется, – ответила Дезире, – я слышу это уже не в первый раз.

– Но сегодня, – заверил ее Пьер, – это не просто слова, это действительность.

– Примите мои наилучшие пожелания, месье де Бомарше, – потешалась над ним Дезире, – но мне уже известны случаи, когда ты давал идею, а другие снимали сливки.

– На этот раз сливки буду снимать я, – настаивал Пьер, – на этот раз я не дам себя провести. Тут не может быть никаких сомнений. Никогда еще у меня не было таких огромных возможностей.

– Во всяком случае, очень утешительно, Пьер, – сказала Дезире с нежностью, – что на этот раз дело действительно хорошее.

Что это дело хорошее, Пьер знал и сам; ему хотелось услышать хоть одно ободряющее слово о практической стороне вопроса. Еще вчера, до разговора с Ленорманом, он спрашивал себя, не следует ли сначала довериться Дезире. Шарло был влюблен в Дезире, а Пьер никогда не отказывался от пользы, которую можно извлечь из женщин. Однако на этот раз он колебался. Отношения между Шарло и Дезире были сложные; прибегнув к помощи Дезире, он мог продвинуть, но мог и погубить свое дело. А так как она сама пришла к нему и уже столько от него узнала, он отбросил все опасения и поведал ей о своих надеждах на Ленормана.

При упоминании о Ленормане Дезире нахмурилась, между бровями ее обозначилась вертикальная складка, глаза задумчиво коснулись к носу.

Отношения с Ленорманом вносили в ясную жизнь Дезире какую-то сумятицу, неразбериху. Этот холодный и страстный человек, меланхолик и гурман, презиравший романтику и тосковавший по романтике, не походил на других мужчин, которых она знала. Он и с ней бывал иногда ироничен и зол, она видела, как сильно он ее любит и как старается преодолеть эту страсть. Шарло привлекал ее и отталкивал, она его и ценила и презирала. Ей следовало бы беспощадно использовать его беззащитность перед ней. С любым другим она так бы и поступила, – с ним она держалась иначе. Она сама толком не знала, что нужно ей от Шарло, для чего он ей нужен. Она никогда не набивала себе цену, никогда не дорожила своей любовью и своим телом, – иначе и нельзя, если хочешь пробиться в Париже. Случалось ей спать и с Шарло. Но с ним она обращалась хуже, чем с другими. Она давала ему понять, что не любит его, и, если он требовал от нее большего, если просил, чтобы она пожертвовала своей независимостью и стала его официальной любовницей, она пожимала плечами, строила плутовскую гримасу, не отвечала.

Ее привлекала его раздвоенность. Как замороженная, наблюдала она внезапные переходы Шарло от мизантропического настроения к сентиментальному и нежному. Обычно она знала наперед, как будет протекать та или иная ее связь. Но от Шарло можно было ждать всего – он мог погубить ее, мог и жениться на ней.

Шарло был с Пьером на дружеской ноге. Но она сомневалась, что Шарло, хотя и не показывает этого, ревнует ее к Пьеру, и всегда втайне боялась, что однажды он нанесет Пьеру ужасный удар. Никак не следовало Пьеру пускаться в такую авантюру с человеком, от которого можно ждать чего угодно. Если они возьмутся вдвоем за эти огромные поставки, Шарло зажмет в свой кулак более слабого Пьера, и от этой мысли ей становилось не по себе. При всем своем интриганстве Пьер был безобидным, веселым малым, он не умел быть настоящим врагом, он

не был злопамятен, он ничего не хотел от жизни, кроме радости. Разве такой устоит против горькой ожесточенности, так часто прорывавшейся у Шарло.

– На твоём месте я бы трижды подумала, – предостерегла она Пьера, – прежде чем принимать в дело Шарло.

– Он мой друг, – сказал Пьер.

– Именно поэтому, – ответила она загадочно и добавила: – Очень уж он огромен. Все, что с ним ни соприкоснется, он в конце концов поглощает.

– Не бойся, крошка, – беззаботно рассмеялся Пьер. – Кто проглотит этого Иону, тот его живехонько выплюнет.

После ужина Ленорман еще некоторое время испытывал терпение Пьера и не заводил разговора о деле, ради которого тот пришел.

Месье Ленорман относился к Пьеру по-своему хорошо. Он прекрасно видел тщеславие и поверхностность Пьера, но ценил его ловкость и милое остроумие и, немного презирая Пьера за пустоту, завидовал его блеску, его успеху у женщин, легкости, с которой он работал.

Несмотря на знатность и богатство, Шарлю-Гийому де Ленорману всегда жилось трудно. В свое время – это было тридцать семь лет назад – он женился на очень молодой, очень красивой и обаятельной девушке, не имевшей ни средств, ни связей, – Жанне-Антуанетте Пуассон. Он был тяжел на подъем и долго раздумывал, прежде чем решился на этот брак; первые годы после женитьбы он от души радовался своему решению и все сильнее влюблялся в Жанну. Потом внезапно Жанна оставила его, чтобы под новым именем – маркизы де Помпадур – править Францией в качестве официальной любовницы короля. Ленорману казалось, что он не переживет этого удара. Впоследствии жена предлагала ему все, что угодно, и должность посла, и даже свое возвращение, но он был горд и самолюбив, он отверг все и в том числе ее самое.

Он уже давно оправился от страданий, но это был уже другой Ленорман – меланхоличный, горький, саркастический, падкий на удовольствия и склонный к коварному авантюризму. Если прежде он вел свои нелегкие дела по откупу налогов осторожно и осмотрительно, то теперь он с какой-то злой радостью и мрачной надменностью затевал все новые сложные коммерческие предприятия, действуя независимо, ловко и чрезвычайно успешно, и приобрел огромное состояние. При всей своей ожесточенности он постоянно искал новых наслаждений. Правда, над главным входом его замка Этьоль изящными буквами был начертан девиз: «Vanitas, vanitatum vanitas, omnia vanitas»¹. Но хозяина замка постоянно окружали красивые женщины, а празднества, которые он устраивал, славились изысканностью и великолепием, и с усталой жадностью месье Ленорман снова и снова завладевал деньгами, почетом, роскошью, делами, влиянием, политикой, театром, женщинами, интригами.

В Дезире Менар Ленорман влюбился, увидев ее портрет. Не тот, что висел у Пьера, а пастель Перроно с изображением красивой, веселой, безыскусственной девушки. Но когда Ленорман познакомился с подлинной Дезире, его поразило, насколько портрет уступает оригиналу. Ленормана, который в жизни немало мудрил и хитрил, часто тянуло к сильному и простому; он любил ставить на своей домашней сцене сочные, простонародные фарсы. И вот, обнаружив, сколько здравого смысла, сколько пренебрежения к молве и сплетням, сколько дерзкого, живого парижского юмора скрывается за очаровательной хрупкостью Дезире, он пришел в восхищение. У нее были черты, которые он любил в покойной Жанне. Жанна была так же весела и так же умна, в ней было такое же сочетание трезвости и романтизма, такое же умение видеть сквозь грязь жизни ее радостное сияние.

Ленорману было пятьдесят семь лет, когда в его жизнь вошла двадцатилетняя Дезире. Он с удовольствием замечал, как привлекательны для молодой актрисы своеобразно сочетав-

¹ Суета, суета сует, все – суета (лат.).

шиеся в нем мрачность и гурманство, его вкус, его понимание театра, его проникнутая горьким юмором философия; но он отлично понимал, что без богатства и громкого имени никак не удержался бы в кругу более молодых и интересных приятелей Дезире. Может быть, ему и удастся привязать ее к себе; но, если затем появится другой, более могущественный, Дезире покинет его точно так же, как покинула Жанна ради хозяина Версальского замка.

И все-таки он считал большой удачей, что эта молодая женщина вошла в его жизнь и что теперь, когда его страсти остыли, ему еще раз выпало счастье влюбиться, как молодому. Конечно, он страдал, видя, с какой беззаботностью отдается Дезире то одному, то другому, но у него был уже горький опыт, и, не желая вторично приносить свое счастье в жертву достоинству и самолюбию, он не пытался посягать на ее независимость.

Он знал, что единственный его серьезный соперник – Пьер. Ясно видя отношения Пьера и Дезире, он находил, что их дружба, основанная на духовном родстве, гораздо опаснее любого романтического увлечения, и глубоко завидовал Пьеру в том, что Дезире к нему так привязана. Ему, Ленорману, который столько выстрадал по чужой вине и которому все давалось с трудом, было досадно, что этому Пьеру все достается легко, что ему все сходит с рук, что он шутя отмахивается от себя всякие неприятности. Как ни был он расположен к Пьеру, ему хотелось, чтобы и тот узнал, что такое неблагодарность, измена, страдание.

И вот теперь Пьер пришел к нему по поводу этих поставок Америке. Идея Пьера – снабжать инсургентов под видом частного предпринимателя, на самом же деле – в качестве агента французского правительства – была истинной находкой. Но если это предприятие должно стать чем-то большим, чем чисто театральным эффектом, если вооружать инсургентов так, чтобы они действительно могли противостоять английским регулярным войскам, тогда нужны совершенно иные суммы, чем жалкие три-четыре миллиона, о которых говорил Пьер. Человек, затевающий подобное предприятие, должен располагать неограниченным кредитом, он должен быть в состоянии ждать платежей, ему необходима огромная выдержка.

У него, Ленормана, хватило бы сил поднять этот груз, да и высокие прибыли очень заманчивы. Но разве Пьер тот человек, с которым можно братья за такое грандиозное предприятие? Не внесет ли он в дело слишком много фантазии и романтики? Конечно, перспективы очень соблазнительны, но у Ленормана никогда не было недостатка в большой игре, и никакие барыши не стоили той опасности, которую таила в себе возможная ссора с Пьером. Не сознавая этого, он представлял себе, как Пьер бахвалится перед Дезире: «Итак, теперь я вооружаю американцев, теперь я делаю историю». Нет, он, Ленорман, не воздвигнет для Пьера пьедестала из миллионов, который для этого требуется.

Жирным голосом, в тиши кабинета, он разъяснил Пьеру, что предприятие действительно сулит большие доходы, но и риск при этом необычайно велик. Не говоря уж о том, что каждое второе судно, возможно, захватят англичане, виды на оплату товаров слишком неопределенны. Как ни восхищается он, Ленорман, стремлением инсургентов к свободе, похвальный энтузиазм еще не есть гарантия их платежеспособности. В самом лучшем случае денег придется ждать много лет. По его приблизительному подсчету, чтобы продержаться, нужно около десяти миллионов основного капитала. Называя эту огромную цифру, он озабоченно взглянул на собеседника своими сонными, глубоко посаженными глазами.

Пьер, пораженный, вяло отвечал:

– Я думал, что перспектива огромных прибылей, известная вам еще лучше, чем мне, соблазнит вас участвовать в фирме «Горталес».

– Я только что пытался, дорогой мой Пьер, – сказал Ленорман с прекрасно разыгранной терпеливой любезностью, – разъяснить вам, что риска в этом деле еще больше, чем шансов на успех. Я уже совсем старик, и большие, опасные предприятия не доставляют мне прежней радости.

– Но почему же вы недавно возобновили откуп на налоги с двух провинций? – спросил Пьер.

– Какой же тут риск, – словно назло, невозмутимо спросил в свою очередь Ленорман, – какой же тут риск для человека, который может и подождать? У короля есть полицейские, а на худой конец, и солдаты, чтобы воздействовать на нерадивых должников. А разве фирма «Горталес» может послать солдат против повстанцев, если те начнут мешкать с платежами?

– Я надеялся, – сказал не без горечи Пьер, – что мой друг Шарло будет с радостью участвовать в этом большом деле. Я верил, что мой друг Шарло будет первым, кто поможет и мне, и американцам.

– Зачем же так горячиться, Пьеро? – стал ласково успокаивать его Ленорман. – Кто сказал, что я не стану вам помогать?

Игра, которую вел с ним Шарло, бесила Пьера, но по опыту он знал, что Шарло человек немелочный и ему, Пьеру, друг.

– Мне понадобятся деньги только на первых порах, – сказал Пьер неуверенно, – если вообще понадобятся.

Именно этого и ждал Ленорман. Ему хотелось предложить Пьеру ссуду. Он знал Пьера, знал, что тот скоро окажется в затруднительном положении и попросит об отсрочке долга. Тогда, при любых обстоятельствах, он, Шарло, своего добьется. Если даже он потеряет на этом деньги или часть денег, то разговор с извивающимся и просящим Пьеро, право же, стоит такой потери.

– Вот видите, – заметил он, – так мы легко договоримся. Деньги, особенно на короткий срок, я всегда готов дать вам в долг. Сколько вам нужно?

– Я думаю, – отвечал неуверенно Пьер, – что еще одного миллиона мне хватит.

– Можете располагать этой суммой, – немедленно сказал Ленорман.

Пьер воспрянул духом, хотя и был ошеломлен. Предложив такую огромную сумму, Шарло оказывал ему немалую услугу, но неужели риск действительно так велик, что сам Ленорман не решается вложить капитал в это дело и упускает неповторимые возможности?

– Благодарю вас, Шарло, – сказал он, – от души благодарю.

В голосе его звучало необычное замешательство.

– Я всегда рад вам помочь, друг мой, – любезно возразил Ленорман. – Во всем, что касается процентов, я буду очень уступчив.

Он на мгновение умолк и дружелюбно взглянул на Пьера.

– Но только, – сказал он затем и в шутку погрозил пальцем, – не транжирьте денег. – И как бы невзначай заключил: – Я даю деньги в долг на короткие сроки, и я взыскиваю долги, дорогой. Обращаю на это ваше внимание. Тем я и славлюсь, что взыскиваю.

Это были шутки во вкусе Шарло, неприятные шутки. Но не успело чувство неловкости овладеть Пьером, как он уже от него отделался. Он получил обещание Шарло, это главное. Разве он не собирался начать дело, даже если бы добыл всего-навсего один миллион? Теперь он получил два миллиона у правительства и один у Шарло.

– Еще раз спасибо, Шарло, – сказал он тем же легким и дружеским тоном, что и Ленорман, – спасибо от имени Америки, Франции и моего собственного.

Прошли уже ночь, и день, и еще одна ночь, а Пьер все еще не побывал у своей приятельницы Терезы. Вчера утром он послал ей записочку с обещанием прийти вечером, а вечером – с обещанием прийти сегодня утром. Слишком уж он перегружен, никогда ему не хватало времени на то, чего хотелось.

С Терезой можно, по крайней мере, говорить. Она понимает, как трудно человеку делить свое время между освобождением Америки и любовью к женщине, на которой он намерен жениться.

С первой встречи он знал, что эта девушка ему подходит, и не раз за годы их связи заигрывал с мыслью жениться на ней немедленно, завтра же, сегодня же. Но все дело было в Жюли. Она с самого начала стала его ревновать; стоило Пьеру однажды заикнуться о своем желании жениться на Терезе и ввести ее в дом, как между братом и сестрой вспыхнула жестокая ссора и Жюли пригрозила, что уйдет из дому. Правда, затем, в приступе раскаяния, она заявила, что Тереза обворожительна, молода и во всех отношениях гораздо лучше ее и что, разумеется, она, Жюли, будет с ней ладить. Однако Пьеру было ясно, что если он введет в дом Терезу, то вспыльчивая Жюли вскоре уйдет от него, а лишиться Жюли он не мог. Мало того что она была идеальной хозяйкой его большого дома, он испытывал потребность хвастаться именно перед ней, он никак не мог отказаться от ее неизменного шумного и фанатического поклонения. Что же касается Терезы, то она и без формальных уз его не покинет; в ней он был вполне уверен.

Он пошел к ней пешком. Идти было недалеко. Улыбаясь, он вспоминал, сколько раз и с какой радостью ходил по этой дороге. Интересы его охватывали весь мир, ради того или иного дела ему случалось долго колесить по свету; но настоящая его жизнь была заключена в небольшом треугольнике между его жильем, его торговым домом и домом Терезы. Этот неукротимый искатель приключений был по природе своей семьянином; после безумных дней и безумных ночей ему нужен был по-мещански уютный часок в кругу семьи, состоявшей из отца, сестер, племянников, племянниц, дядюшек, тетюшек и двоюродных братьев.

Он позвонил у дверей Терезы. Отворила ему служанка. Но он сразу увидел и Терезу в дверях ее комнаты, – она была одета по-домашнему, как он втайне и ждал, и ни тени упрека за его поздний приход не было на ее лице. Бросившись к ней, он взял в обе ладони ее голову и слегка запрокинул назад; Тереза была высокого роста, почти такого же, как он сам. Он глубоко заглянул в ее живые глаза. Медленно, крепко поцеловал ее в лоб, провел своими полными губами по ее высоким, крылатым бровям. Она сомкнула свои длинные ресницы; он поцеловал ее в пухлый рот, скользнул руками по ее полному, сильному подбородку, шее, груди.

Тереза, закрыв глаза, отдалась радости долгожданной встречи.

Как только она познакомилась с Пьером, она сразу почувствовала, что в этом человеке сосредоточен смысл ее жизни. Три года назад, когда она, едва достигнув семнадцати лет, прочитала его брошюры, звонкая и блестящая атака на царящую в мире несправедливость всколыхнула всю ее душу. Подумать только, что можно быть таким смелым и в то же время таким непринужденным, таким изящным, таким вдохновенным. Написанное им захватывало, покоряло. Она, обычно сдержанная и благоразумная, нашла предлог пойти к совершенно незнакомому человеку, и он оказался таким же, как его звонкие книги, – у него был гибкий, звучный голос, он говорил с ней вкрадчиво, дерзко, умно, и она поняла, что полюбила этого человека, полюбила навеки.

Тереза умела судить о вещах спокойно и верно. Прошли годы, и она разглядела в Пьере его пустоту, тщеславие, легкомыслие; но то, что она в нем любила, оказалось достаточно сильным, чтобы заставить ее примириться со всем остальным. В тех старых памфлетах он боролся за свое собственное дело, но оно было также общим делом всех, кто страдал от жестокой и оскорбительной системы. Потешаясь над знатью, он защищал себя, ибо знать наносила ему обиды и пыталась его притеснить, но руководило им нечто другое, нечто большее – глубокая, боевая непримиримость познающего ко всем нелепым предрассудкам мира. За всем его бахвальством и позерством было умение видеть большое; сталкиваясь с несправедливостью и злоупотреблениями, независимо от того, затрагивали ли они его самого или других, он бросался в драку без долгих раздумий. Таким видела его Тереза, таким она его любила.

Сейчас, после столь продолжительной разлуки, ему нужно было многое ей сообщить. Он посадил ее к себе на колени, гладил ее. Много раз уже приходилось ему это рассказывать – Шарло, сестре, отцу. Говорил он об одном и том же, но всякий раз по-иному: в разговоре с Терезой его впечатления и его проект приобрели опять новые оттенки. Ей он разъяснил поли-

тическое значение своего предприятия. У инсургентов было все – достаточно людей, огромная территория, правое дело, энтузиазм, моральная поддержка со стороны всего мира. Единственное, чего им не хватало, – это оружия.

– А теперь мы дадим им оружие, – заключил он.

Серые глаза Терезы сияли; она с самого начала сочувствовала инсургентам. Ему пришлось с новыми и новыми подробностями рисовать ей перспективы американцев, и его радовало, что ее занимает только это, а совсем не деловая сторона его новой затеи. Пусть жена видит в нем писателя, борца за свободу, защитника разума. Его согревал ее восторг, чуждый экзальтированности, подчас претившей ему в Жюли. Даже восторг никогда не лишал Терезу чувства реальности. Она великолепно дополняла Пьера; она сумеет его одернуть, если он хватит через край.

Он замолчал. В наступившей тишине он снова стал размышлять, не поторопиться ли с женитьбой.

Тереза понимала, что с ним сейчас происходит. Ей было неприятно довольствоваться положением подружки Пьера, ей очень хотелось узаконить их отношения. Но она знала Пьера и опасалась, что, если из-за нее он потеряет Жюли, ему будет не так-то легко примириться с этой утратой и его чувства к ней, Терезе, возможно, ослабнут. Сплетни ее не пугали, она ни от кого не зависела, немного денег у нее было. Она не торопила Пьера. И сейчас она тоже молчала, ждала.

А Пьер, в который уже раз, представлял себе, какое лицо состроит Жюли, когда он сообщит: «Через неделю я женюсь на Терезе». Воображение не сулило ему ничего приятного. Слишком уж часто действовал он по первому побуждению. Он уже столько времени медлил – подождет еще немного.

Он сказал:

– Теперь, когда я так счастлив, когда затевается такое огромное предприятие, позволь мне доставить тебе маленькую радость. Тебе ведь всегда нравился мой домик в Медоне, тот, маленький, с запущенным садом, – так разреши мне его подарить тебе! Конечно, я его как следует оборудую. Мы могли бы иногда туда ездить, чтобы отдохнуть денек-другой на лоне природы.

Последовавшие затем недели прошли для Пьера в бешеной деятельности. Он встречался с судовладельцами, с поставщиками, со всякого рода коммерсантами, у него были совещания с людьми из министерства иностранных дел, из морского ведомства, из Арсенала. Нужно было достать пушки, ружья, снаряды, мундиры, белье, сапоги, одеяла, палатки. Нужно было добыть корабли, чтобы переправить через океан все это снаряжение, рассчитанное на тридцатитысячную армию. Пьер обещал господам из Версаля, что бóльшую часть грузов он отправит уже осенью или, во всяком случае, до конца года.

Если в делах Пьер проявлял сейчас еще больше энергии, чем обычно, то объяснялось это стремлением заглушить все сильнее овладевавшее им беспокойство. Чтобы поставить товары в срок, он должен был сразу делать большие платежи. Собственные его средства и деньги, занятые у Ленормана, быстро разошлись, а миллион ливров, обещанный Верженом, все не поступал. Стоило Пьеру заикнуться в министерстве иностранных дел, что он остро нуждается в деньгах, как ему дали понять, что сумма изымается из секретного фонда и что задержка вызвана только проводкой по бухгалтерским книгам и неизбежной бюрократической процедурой. Это звучало правдоподобно. Но никаких гарантий у Пьера не было, никаких письменных обязательств в этом деликатном вопросе правительство не давало, и Пьер не мог избавиться от опасения, что в один прекрасный день его оставят с носом и еще прикинутся удивленными, если он вздумает ссылаться на прежние обещания.

Вдобавок скоро обнаружилось, что поставщики и судовладельцы отлично знают, как он от них зависит, и потому заламывают цены. Если бы Пьеру удалось получить из королевских арсеналов хотя бы то оружие, которое ему посулили в министерстве иностранных дел! Тогда бы он стряхнул с себя хоть часть забот и показал частным поставщикам, что может обойтись и без их услуг.

Арсеналу ничего не стоило ему помочь. Месье де Сен-Жермен, год назад возглавивший военное министерство, приступил к перевооружению французской армии; благодаря этому выходили из употребления многие образцы орудий и ружей. Все зависело от того, сумеет ли Пьер заинтересовать своими планами военного министра; в случае удачи Пьер мог бы получить устаревшее оружие по очень низким ценам, может быть, даже по цене металлического лома. Предполагалось, что министр иностранных дел поговорит об этом со своим коллегой из Арсенала. Но в министерстве иностранных дел никак не хотели понять, что действовать нужно срочно; Вержен все откладывал и откладывал конфиденциальный разговор с военным министром.

Наконец Пьеру сообщили, что месье де Сен-Жермен в курсе дела и желает его видеть. На следующий же день Пьер явился в Арсенал, где находилась резиденция военного министра.

Пьеру пришлось оставить карету у входа и направиться к канцелярии министра пешком. Арсенал представлял собой маленький самостоятельный город. Здесь были всякого рода оружейные фабрики, оружейные склады, конторы, казарма. Пьер любил Арсенал. Он был делец и романтик, оружие побуждало его и к героическим чувствам, и к коммерческим расчетам.

Сегодня, однако, Пьер не испытывал никакого интереса к окружающему. Все его мысли были заняты предстоявшим разговором.

В последний раз Пьер видел министра около года назад. Тогда этот семидесятилетний человек казался удивительно молодым и подтянутым. Теперь, войдя в кабинет, Пьер был поражен тем, как постарел Сен-Жермен за короткий срок своей министерской деятельности. Небольшого роста, в простом мундире, он держался по-прежнему стройно и прямо, но видно было, что выправка стоит ему немалых усилий; землистое лицо Сен-Жермена избороздили морщины.

У министра были основания огорчаться. Париж ликовал, когда в прошлом году молодой король поручил перестройку армии строгому, честному, прогрессивному генералу, пользовавшемуся славой великого воина и хорошего организатора. Месье де Сен-Жермен взялся за дело со всей энергией. Он усилил состав войсковых частей и повысил качество снаряжения, сократив при этом расходы своего ведомства. Но для этого ему пришлось упразднить ряд прибыльных должностей, предоставлявшихся придворной знати, и допустить к высоким командным должностям офицеров низкого происхождения. Поэтому он нажил себе при дворе немало врагов и все считали, что никакие добрые намерения не помогут безвольному королю удержать на посту своего министра. Пьер хорошо понимал, почему у старого генерала такой унылый вид.

Допуская, что умудренный горьким опытом Сен-Жермен почует за его предложением какие-то интриги и отнесется к нему с подозрением, Пьер для начала не стал говорить о пушках и ружьях, которые хотел выманить у министра, а постарался прежде всего внушить ему доверие. Он знал, с какой страстью отстаивает Сен-Жермен свои революционные военные теории, повсюду стремясь их осуществить, повсюду пытаясь экспериментировать. Пьер решил использовать этот конек старика. Прежде всего, заявил он, инсургенты нуждаются в наставлении, в организации, в указаниях. Он, Пьер, покамест единственный, так сказать, представитель американцев во Франции, обращается за советом к министру от имени этой страны, страны разума и близости к природе. Нигде реформаторские принципы Сен-Жермена не будут более уместны, чем в Америке. Там не нужно бороться с укоренившимися предрассудками. Там можно организовать армию в строгом соответствии с десятью основными положениями, сформулированными министром в его «Руководстве по военному делу».

Сен-Жермен слушал его с интересом. Этот месье де Бомарше вовсе не походил на бесовестного спекулянта, каким его изображали. Министр пустился с ним в дискуссию. Пьер хорошо подготовился и показал знание дела. С терпением и пониманием слушал он Сен-Жермена, увлекшегося подробностями своих реформ. Беседа доставляла старику огромное удовольствие.

Затем, постепенно, Пьер заговорил о деле, о вооружении своих инсургентов. Речь идет, пояснил он, не о снаряжении регулярных войск, а об экипировке милиции. Этой милиции нужно простое оружие, владение которым не требует особых навыков. В новом оружии, предусмотренном министром для французской армии, американцам пользы мало, ибо для эффективного применения этого нового оружия нужен продолжительный срок обучения. И Пьер сделал озабоченное лицо.

Месье де Сен-Жермен оживился и как собственную мысль высказал то, к чему подводил его Пьер. Именно в этих обстоятельствах он, министр, может помочь месье и оказать инсургентам неоценимую помощь. В связи с перевооружением множество образцов орудий и ружей окажутся в королевской армии непригодными. Но для милиции, которую описал месье, эти старые образцы как раз идеальны, и он, министр, с удовольствием предоставит наличные запасы снятой с вооружения амуниции для нужд инсургентов. Относительно деталей месье следует договориться с его первым секретарем, принцем Монбареем.

Пьер с облегчением вздохнул. Он всегда испытывал неловкость, ведя дела с такими наивными, бесхитростными людьми, как министр, – их поведение никогда нельзя было предугадать. С принцем Монбареем справиться будет куда легче. Дело в том, что принц Монбарей, страстный игрок, всегда был в долгах и, не задумываясь, пользовался служебным положением для упорядочения своих сложных финансовых дел. Для этого он прибегал к услугам одной своей приятельницы, оперной певицы де Вьолен. Стоило освободиться более или менее высокой армейской должности, как у мадемуазель де Вьолен был уже готов список кандидатов, согласных за эту должность заплатить, а принцу в большинстве случаев удавалось отстоять своего кандидата перед простодушным Сен-Жерменом.

Благодаря умелому обхождению с министром все наличные запасы оружия были уже закреплены за Пьером. Но при желании принц Монбарей мог назначить очень высокие цены, мог усложнить, мог бесконечно откладывать сделку с торговым домом «Горталес и Компания». Против этого существовало только одно средство: в изящной форме всучить принцу комиссионные. В подобных случаях Пьер не скупился.

Фирма «Горталес», объяснил он месье де Монбареем, чрезвычайно озабочена одним обстоятельством – он имеет в виду выбор оружия, которое нужно послать инсургентам. Заказ американцев носит слишком общий характер, а покамест придут их эксперты, времени пройдет немало. Сам он, подобно другим представителям фирмы «Горталес», деловой человек и страстный приверженец инсургентов, но отнюдь не военный специалист. Поэтому он был бы крайне обязан принцу, если бы тот порекомендовал ему сведущего консультанта в этом вопросе. Разумеется, фирма «Горталес» не может принять такой услуги безвозмездно, фирма действует только на деловых началах.

С улыбкой взглянули хитрые, быстрые, черные глазки принца Монбарей в улыбающееся лицо Пьера. Потом принц назвал несколько имен, отверг их и наконец, постукав пальцем по лбу, сказал:

– Ну, вот я и нашел вам подходящего человека.

Как Пьер и ожидал, человек этот принадлежал к кругу приятельницы Монбарей, мадемуазель де Вьолен.

Пьер горячо поблагодарил принца за любезный совет и обещал им воспользоваться. Затем он дружески простился с министром и его первым секретарем и, очень довольный, покинул Арсенал.

С самого начала конфликта между английской короной и ее американскими колониями были в Париже люди, надеявшиеся выдвинуться в роли сторонников американцев. Стоило этим людям пронюхать о переговорах месье де Бомарше, как они стали завидовать и пакостить Пьеру.

Особенно отличался некий доктор Барбе Дюбур. Он был врачом, политиком, коммерсантом, писателем, филантропом и переводчиком сочинений доктора Бенджамина Франклина, самого популярного в Европе представителя инсургентов. Доктор Дюбур гордился тем, что первым по эту сторону океана выступил в защиту американцев. Услышав о переговорах месье де Бомарше, он нанес визит Пьеру.

И вот этот спокойный, тучный, буржуазного вида господин сидел перед Пьером и неторопливо говорил. Он слышал, что Пьер тоже проявляет интерес к делу повстанцев. Пьеру, конечно, известно, что ему, доктору Дюбуру, принадлежит честь считать своим другом великого Бенджамина Франклина. Он пришел узнать, не желает ли месье де Бомарше сделать какие-либо полезные предложения, которые он, доктор Дюбур, мог бы передать Франклину и американцам.

Все в этом грузном человеке – мясистое лицо, маленькие учтивые глазки, выпяченные губы, мещанская одежда, трость, которую тот вертел в руках, привычка то и дело сморкаться и причмокивать – сразу же вызвало у Пьера отвращение. Все в нем раздражало – самодовольная скромность, напыщенная болтливость, наивно-заговорщический тон. Пьер убеждал себя, что этот человек принят во всех салонах, что он пользуется известным влиянием и что контакт с ним целесообразен; но Пьер не привык сдерживать своих симпатий и антипатий. И, вопреки всем разумным доводам, он ответил с высокомерной вежливостью, что благодарит месье Дюбура за его любезные намерения, но что располагает собственными посредниками, которые могут передать его, Пьера, советы в Филадельфию достаточно надежным и быстрым путем. Доктор Дюбур, несколько обескураженный, многословно повторил свое предложение, после чего Пьер повторил свой отказ. Попрошались они холодно.

Доктор Дюбур был человеком добродушным, но никто еще с ним так не обходился, как этот месье де Бомарше. Доктор Дюбур сел за стол и написал письмо, – он любил писать письма. На этот раз он написал графу Вержену. Изобретательность месье де Бомарше, писал он, его честность, его преданность всякому великому и правому делу не вызывают сомнений. Но едва ли найдется человек, менее подходящий для деловых отношений. Месье де Бомарше любит роскошь, кроме того, известно, что он содержит женщин. Короче говоря, он слывет мотом, и ни один солидный коммерсант во Франции не хочет иметь с ним дела. Графу Вержену следует дважды подумать, прежде чем осуществить свое намерение и отдать американские дела в руки месье де Бомарше.

Министр прочел письмо. Все, что сообщил доктор Дюбур, не было для него новостью. Но до сих пор доктор Дюбур давал только бесполезные советы, а Бомарше не раз оправдывал возлагавшиеся на него надежды. Вержен прочитал письмо еще раз, улыбнулся, послал копию с письма фирме «Горталес», предоставив ответить на него самому месье де Бомарше.

Пьер ответил. «Глубокоуважаемый доктор Дюбур, – ответил он, – какое отношение к американским делам имеет то, что я слышу мотом и содержу женщин? Между прочим, я делаю это уже двадцать лет. Сначала я содержал пятерых: четырех сестер и одну племянницу. К сожалению, в настоящее время двух из этих женщин уже нет в живых, так что теперь у меня на содержании находятся только три – две сестры и одна племянница, что, конечно, тоже чистейшее расточительство для человека без званий и должностей. Но что бы вы сказали, узнав, что я содержу и мужчин – племянника, молодого и пригожего на вид, и несчастного отца, который и произвел на свет этого невиданного сладострастника, вашего покорного слугу? Еще хуже обстоит дело с роскошью, которой я себя окружил. Самое дорогое сукно кажется мне недо-

статочно элегантным, иногда, в сильную жару, я дохожу в своем расточительстве до того, что ношу чистый шелк. Только, ради бога, месье, не сообщайте этого графу Вержену, а то, чего доброго, его мнение обо мне изменится к худшему».

С того дня, как министр, переслав письмо, доказал Пьеру, что доверяет ему, дела Пьера стали поправляться.

С военным министерством был заключен договор, лучше которого он и желать не мог. Арсенал поставлял ему двести пушек по цене металлического лома, то есть по сорока су за фунт; чугун фирме «Горталес» продавали из расчета девяноста франков за каждую тысячу фунтов. За ружья тоже взяли недорого, что было весьма приятно. Как ни высоко было вознаграждение, выплаченное принцу Монбарею, еще ни одному поставщику оружия во Франции не удавалось купить товар по такой низкой цене.

А потом наконец-то пришли и деньги, которых с такой тревогой ждал Пьер, – миллион ливров от министерства иностранных дел, миллион турецких ливров золотом и векселями.

Пьер вытряхнул золото из мешков на свой огромный письменный стол, и монеты покрыли его целиком. На этих золотых монетах были запечатлены черты многих правителей, на них видны были лица всевозможных Людовиков – Четырнадцатого, Пятнадцатого, Шестнадцатого, а также лица Марии-Терезии Австрийской, Фридриха Прусского, Карла Испанского. Пьер наслаждался их блеском и обилием, он пожирал глазами векселя, подписанные графом Верженом и визированные его первым секретарем Конрадом-Александром де Жераром. Он радовался от всей души.

Что касается деловых партнеров по ту сторону океана, для которых работала фирма «Горталес и Компания», то они еще ничего не знали о существовании этой фирмы и ее деятельности. До сих пор Пьер действовал, можно сказать, наудачу. В Лондоне ему отрекомендовался в качестве представителя колоний некий мистер Артур Ли, молодой человек, весьма воодушевленный борьбой своей страны и чрезвычайно довольный самим собой. Мистеру Ли кто-то шепнул, что настоящим уполномоченным Версаля является не официальный посланник, а месье де Бомарше, Пьер не стал его в этом разубеждать, мистер Ли всячески его обхаживал, и Пьер по секрету обещал ему полную поддержку Франции, сказав, что свяжет его с графом Верженом. Но когда Пьер, вернувшись в Париж, попытался заговорить о мистере Ли с министром, осторожный дипломат не пожелал ничего о нем слышать и наотрез отказался принять человека, известного в Лондоне в качестве представителя мятежников. Обидчивый мистер Ли решил, что Пьер не проявил достаточного усердия, и почувствовал себя уязвленным. Он отменил свою поездку в Париж, и ни о каких дальнейших переговорах с ним фирме «Горталес» нечего было и думать.

Между тем филладельфийский Конгресс решил направить во Францию особого уполномоченного, и вскоре американский агент появился в Париже. Это был некий Сайлас Дин.

Не ожидая визита Пьера, мистер Дин сам явился в Отель-де-Голланд. Внешне он походил на добропорядочного, хотя и несколько необычно одетого буржуа. У него был большой живот, обтянутый атласным, расшитым цветами жилетом. Сразу стало ясно, что это делец, с которым можно обсуждать вопросы по-деловому. Говорил он только по-английски, в парижской обстановке ничего не смыслил и был очень благодарен фирме «Горталес» за услуги, которые она ему предлагала; через несколько дней он стал приходить к любезному месье де Бомарше со всеми своими заботами.

Доктор Дюбур пытался помешать этому сближению. Но в Версале мистеру Дину было сказано ясно и определенно, что доверенным лицом французского правительства является месье де Бомарше. Американца это устраивало, Пьер нравился ему больше, чем доктор Дюбур.

Месье де Бомарше и американский агент поладили без труда и вскоре заключили между собой официальный договор. Фирма «Горталес и Компания», представляемая месье де

Бомарше, обязалась поставить Конгрессу Объединенных Колоний, представляемому мистером Сайласом Дином, полное снаряжение для тридцатитысячной армии; к договору прилагался минимальный список товаров, подлежащих поставке. Конгресс Объединенных Колоний, со своей стороны, обязался оплачивать каждую партию грузов не позднее чем через восемь месяцев со дня получения, возмещая не менее сорока пяти процентов их стоимости векселями, а остальное – товарами.

Сердце Пьера трепетало от радости, когда этот договор, подписанный и скрепленный печатями, оказался наконец у него в руках. Он тотчас же поехал к месье Ленорману. Что скажет Шарло теперь? Ликуя, расхаживал Пьер по комнате. Чего только он не добился за такой короткий срок! Французское правительство выдало ему первый миллион, испанское – гарантировало второй. Королевский Арсенал поставил большую часть нужных товаров по самым низким ценам, а теперь прибавился еще этот великолепный договор с уполномоченным Конгресса. Неужели Шарло по-прежнему считает его предприятие рискованным?

Мутными глазами глядел Ленорман на друга, пока тот расхаживал по комнате, с гордостью перечисляя свои успехи. Затем он медленно и внимательно прочитал документ, принесенный Пьером.

– Не позднее чем через восемь месяцев пятьдесят пять процентов товарами, сорок пять векселями. Очень хороший договор, – сказал он. – Кто такой этот мистер Дин? – спросил он вдруг, подняв глаза.

– Представитель Конгресса, – ответил чуть удивленно Пьер.

– Это я знаю, – любезно сказал своим жирным голосом Ленорман, – это он не преминул здесь отметить. Но что такое Конгресс? Кто или что стоит за Конгрессом? – И он бросил на Пьера меланхолический взгляд.

– За ним, – вспыхнул Пьер, – трудолюбивый трехмиллионный народ, страна огромных, нетронутых богатств, за ним...

– Это я знаю, – сказал Ленорман. – Но кому принадлежат эти богатства? Подписаться могут повстанцы, подписаться могут и лоялисты. – Он задумчиво поглядел на подпись. – Мистер Сайлас Дин, – пожал он плечами.

– Послушайте, Шарло, – сказал Пьер, – любой подписи можно не доверять. Но ведь вы прекрасно знаете, что за этим соглашением стоит твердая решимость его соблюдать. Этот договор будет выполнен, и притом обеими сторонами. Во всяком случае, вы должны признать, что сегодня фирма «Горталес» стоит на ногах тверже, чем в тот день, когда мы в первый раз толковали об ее шансах на успех. Тогда вы дали мне ссуду, дали великодушно, под небольшие проценты. Мне кажется, я поступил бы некрасиво, если бы теперь, когда шансы на успех так разительно возросли, снова не обратился к вам с просьбой: примите участие в этом деле. – Он говорил проникновенно, с теплотой в голосе.

Ленорман уставился в одну точку, опустив свою круглую голову с большим выпуклым лбом. Договор неплох. Договор даже очень хорош при условии, что за ним стоит сильная фигура, человек, способный в случае необходимости косвенным путем, через французское правительство, оказать нажим на американцев. Если бы он, Шарло, принял участие в этом деле, оно стало бы очень заманчивым и ему досталась бы доля барышей, львиная доля. Но инициатором великой авантюры все равно останется маленький Пьеро, это навсегда останется его идеей, его славой.

– Дорогой мой Пьер, – отвечал он с обычной своей обстоятельностью и неторопливостью, – дела действительно приняли недурной оборот, это я признаю, и чрезвычайно любезно с вашей стороны, что вы предлагаете мне изменить наши финансовые отношения. Но я неисправимый педант. Я люблю соблюдать договоры, хотя в отдельных случаях это мне и вредит. Я предпочитаю, – заключил он любезно, – оставить в силе наше соглашение, а также предусмотренные им проценты и гарантии.

Пьер был поражен. Он думал, что Шарло обеими руками ухватится за его предложение. Он полагал, что, заключив с американцами договор, сможет привлечь к своему предприятию кого угодно; он считал свой приход к Шарло актом великодушия. Поведение Шарло было ему непонятно. Неужели он, Пьер, ошибся, неужели все-таки недооценил риск? Шарло всегда отличался верным чутьем.

Озабоченный, хмурый, вернулся он в Отель-де-Голланд.

Но стоило ему переступить порог своего торгового дома, стоило обойти прекрасные комнаты, как его дурное настроение бесследно исчезло. Дерзкие слова, сказанные доктором Дюбуром в том письме к Вержену, побудили Пьера обставить Отель-де-Голланд с особой роскошью. И сегодня, уже не впервые, Пьер радовался блеску, который он здесь навел. Хорошо, что этот гордый дом служил доказательством его веры в правое дело и в деловой успех.

Он еще раз перечитал договор с Конгрессом. Покачал головой, усмехнулся. Вздор, все опасения Шарло – это просто приступ дурацкой мрачности.

Он вызвал Мегрона и, сияя от воодушевления, продиктовал ему письмо в Конгресс Соединенных Штатов.

– «Многоуважаемые господа, – диктовал он, – мое восхищение храбрым народом, героически отстаивающим под вашим руководством свою свободу, побудило меня принять участие в ваших благородных начинаниях. Я основал большое торговое заведение, чтобы снабдить вас всем, что может помочь вам в вашей справедливой войне. Я заключил соглашение с вашим уполномоченным в Париже и намерен поставить вам до конца текущего года следующие товары».

Он диктовал, шагая по комнате, а секретарь Мегрон стенографировал одним из своих новомодных карандашей. Пьер перестал шагать и медленно – чтобы секретарь поспевал – прочитал, заглядывая в готовый список:

216 пушек,
290 000 рационов пороха,
30 000 ружей,
200 орудийных стволов,
27 мортир,
13 000 гранат,
8 транспортных судов,
кроме того, полное обмундирование для 30 000 солдат, состоящее из:
30 000 одеял,
30 000 пар башмаков,
30 000 пар пряжек для башмаков и подвязок,
60 000 пар шерстяных чулок,
30 000 носовых платков,
120 000 пуговиц,
далее:
95 000 локтей сукна для мундиров,
42 000 локтей подкладочной материи,
180 000 локтей полотна для рубашек,
15 000 фунтов пряжи,
1000 фунтов шелка,
100 000 толстых швейных иголок.

Это был бесконечный список, Пьер наслаждался им сполна. Затем он отложил его в сторону и сказал:

– Ну, каково, Мегрон? Никогда бы не поверил, что мы сможем это осилить.

Потом он снова стал диктовать, не скупясь на пышные обороты:

– «Многоуважаемые господа, – диктовал он, – ваши представители найдут во мне надежного друга, в доме моем – гостеприимный кров, а в ларцах моих – деньги, они найдут у меня всяческую поддержку их деятельности – как явной, так и тайной. По мере сил своих я буду устранять в кабинетах Европы все помехи, встречающиеся на вашем пути. Во всех портовых городах Франции и Испании я буду содержать агентов, которые по прибытии ваших кораблей засвидетельствуют свое почтение капитану и окажут ему всяческие услуги. Король Франции и его министры будут вынуждены принять официальные меры против этих нарушений торговых договоров с иностранными государствами. Но можете быть уверены, господа, что моя неиссякаемая энергия одолеет все трудности. Я позабочусь о том, чтобы обойти или даже вовсе отменить ограничения. Я помогу выполнить все операции, необходимые для наших дел.

Итак, многоуважаемые господа, считайте отныне мой дом европейским центром деятельности, направленной к вашему благу, а меня самого – пламенным поборником вашего дела, человеком, не ведающим иных помыслов, кроме как о вашем успехе, и до глубины души исполненным того чувства благоговения и восхищения, с которым имеет честь подписать это письмо. Преданный вам *Родриго Горталес и Компания*».

– Ну, Мегрон, – заключил Пьер, – разве это не великолепное письмо?

– Уверен, что филладельфийским господам не случалось еще получать подобных деловых писем, – сухо отвечал секретарь.

Когда Мегрон удалился, Пьер еще раз перечитал свой договор с мистером Сайласом Дином, представителем Конгресса Объединенных Колоний. Затем, довольный, спрятал этот документ в ларец, где лежал чертеж изобретения, лежал черновик «Цирюльника», лежали любовные письма.

Но сомнения Ленормана не переставали его тревожить, и Пьер все время чувствовал потребность поделиться своими заботами с разумным человеком. Поль Тевено отпадал, он был таким же заинтересованным лицом, как сам Пьер. Пьер отправился к Дезире.

– Ты явился как нельзя более кстати, – встретила его Дезире. – Через два дня начнутся репетиции.

«Театр Франсе» ставил заново «Жоржа Дандена», комедию о богатом балбесе, который женится на бедной Анжелике, прельстившись ее дворянством; она изменяет ему направо и налево, он узнает об этом, он застигает ее врасплох, у него неопровержимые доказательства, но он беспомощен. Анжелика в десять раз умнее его, она сваливает всю вину на него самого и в союзе со своими именитыми родителями заставляет его просить у нее на коленях прощения за все, что он вынес по ее милости. Дезире досталась роль Анжелики – роль весьма пикантная, если принять во внимание ее отношения с Шарло. Пьер улыбнулся, когда она сказала ему, что согласилась играть Анжелику; он представлял себе, с какой миной примет эту новость Шарло. «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

Когда Дезире предложили эту роль, она сначала больше думала о Шарло, чем о «Жорже Дандене». Но как только она решила играть, все ее интересы сосредоточились на новой роли. Дезире была одержима своим искусством, она была прирожденной актрисой, она уже перестала быть Дезире, она стала Анжеликой. В «Театр Франсе» существовали священные традиции мольеровских спектаклей; насколько можно ей отступить от этих традиций? Все предыдущие дни она размышляла, спорила, принимала решения, отвергала их, принимала снова.

И вот теперь к ней пришел Пьер, один из немногих, знающих толк в игре. Она тотчас же взяла его в оборот, засыпала занимавшими ее вопросами, сыграла ему сначала одну сцену, потом другую. Театрал до мозга костей, он увлекся и вскоре забыл, для чего сюда явился. Они с головой ушли в работу, обсуждали жесты, ударения, горячились, ссорились, соглашались.

Через три часа – а он собирался провести у нее час – она сказала, переводя дух:

– Ну вот, а теперь мы сделаем перерыв.

Он тоже с удовольствием вздохнул и ответил:

– Хорошо, Дезире, я у тебя поужинаю, а потом, с божьей помощью, продолжим репетицию.

Они были взволнованы совместной работой, и ужин получился веселый. Они болтали о «Театр Франсе», некоторые его традиции хвалили, другие ругали, говорили об актерах и о возможности реформ на сцене. Пьер любил «Жоржа Дандена», он лучше всякого другого понимал сочный, жестокий юмор этой комедии, она касалась их обоих, его и Дезире, не меньше, чем их друга Шарло. Как знаток, раскрывал он перед Дезире технику, с помощью которой достигал желаемого эффекта Мольер, он объяснял ей, что в этой технике сегодня приемлемо, что устарело. Дезире слушала его с воодушевлением. Когда Пьер говорил о театре, он становился еще умнее, еще блистательней, чем когда он выступал борцом за свободу.

Но постепенно мысли его возвратились к американским делам. Ловко переменив тему, он рассказал обо всем Дезире и наконец – между двумя бокалами вина – прочитал ей свое письмо Конгрессу. Не прочитал, а сыграл; его увлекли великолепие цифр, музыка фраз. Дезире по достоинству отблагодарила Пьера за интерес к своей Анжелике величайшим вниманием к его делам.

Но по мере того, как он читал, лицо ее мрачнело все более и более.

– Знаешь ли ты людей, – спросила она, – из которых состоит американский Конгресс?

– Я их не знаю, – ответил с некоторым неудовольствием Пьер. – Я знаю только имена, но, конечно, это всего только имена. Несколько больше я знаю об их Франклине, об их Вашингтоне и Томасе Пейне. В Лондоне я познакомился с неким Артуром Ли; приятным его не назовешь, но он полон энтузиазма и, несомненно, честен. А что касается этого Сайласа Дина, которого они мне прислали, то за него я ручаюсь головой.

Миниатюрная, задумчивая, благоразумная, сидела перед ним Дезире.

– Значит, – настаивала она, – ты не знаешь людей, которым адресовал это письмо?

– Да, не знаю, – раздраженно уступил Пьер. – Но я знаю, что, став членами этого Конгресса, они тем самым поставили на карту свое состояние, даже больше, чем состояние. Мне этого достаточно.

Глаза Дезире приняли сосредоточенное выражение.

– Я пытаюсь, – сказала она, – представить себе, кто они, члены твоего Конгресса. Наверно, в большинстве своем это люди пожилые, завоевавшие известное положение и доверие сограждан, коммерсанты, адвокаты и тому подобное.

– Ну так что же? – вызывающе спросил Пьер. – Разве коммерсанты не могут быть идеалистами?

– Это вполне возможно, – согласилась Дезире. – Но в одном можно быть уверенным: деловые люди удивятся, получив такое письмо.

– Об оружии, нужном для борьбы за свободу, нельзя писать тем же слогом, что о селедках, – резко ответил Пьер.

– Ты написал это для парижан, – возразила Дезире, – для читателей твоих брошюр. Боюсь, что на добропорядочных филадельфийцев ты не произведешь впечатления серьезного, делового человека.

– А какое же еще впечатление могу я произвести своими мундирами и пушками? – раздраженно спросил Пьер.

Дезире ответила:

– Например, впечатление человека, который только разыгрывает из себя дельца, чтобы переслать товары, бесплатно предоставленные французским правительством.

– Ты думаешь, они не заплатят? – спросил Пьер на этот раз необычайно тихо и очень смущенно. Он вспомнил Шарло, вспомнил замечание своего секретаря Мегрона. Может быть, и впрямь следовало вместо этого прочувствованного послания отправить в Филадельфию сухую

записку. Может быть, эти люди в самом деле не любят платить и письмо его только подкрепит их уверенность в том, что товары, присланные им из-за океана, – подарок французского короля. Но он тут же прогнал эту мысль. – Пустяки, – сказал он. – Я заключил отличный договор с надежнейшим мистером Дином. Конгресс заплатит, в этом у меня нет ни малейшего сомнения. Я имею дело с представителями добродетельного народа.

– Будем надеяться, – сухо сказала Дезире. Потом она снова заговорила о «Жорже Дандене», и они опять принялись за работу. Но Пьеру уже не работалось так, как прежде, и вскоре он удалился.

Так как в финансовом отношении миссия, порученная Пьеру версальским правительством, приносила покамест одни лишь убытки, Пьер хотел использовать ее хотя бы для того, чтобы освободиться от тяготевшей над ним «вины», от «пятна» судебного приговора, запрещавшего ему занимать почетные должности. Уже три года прожил он в этом странном, двойственном положении; он – виднейший в стране драматург, он известен всей Европе своими брошюрами, королевский двор к нему благосклонен, министры поручают ему важные дела, женщины его балуют, он популярен и в великосветских салонах, и в парижских кафе и трактирах, но в то же время он на подозрении, на нем «клеймо» приговора.

Все эти годы он выказывал полное равнодушие к своему двусмысленному общественному положению и даже острил, когда кто-нибудь касался этой темы. Но его равнодушие было напускным. Ему надоело быть придворным шутком, которому аплодируют и которого презирают.

Уже много раз заговаривал он с графом Верженом о том, что такому трудному предприятию следует посвятить себя безраздельно и целиком, а между тем мысли о позорном приговоре и попытки добиться пересмотра дела отнимают у него, Пьера, много сил. Министр делал вид, что не понимает его намеков. Но теперь, когда материальная компенсация его усилий заставляла себя так долго ждать, Пьер не желал мириться с отсрочкой реабилитации. Он пошел к министру с твердым намерением не выходить из кабинета, пока не добьется обещания устроить пересмотр дела.

Со всей решительностью и горячностью он заявил, что если правительство христианнейшего короля доверяет человеку такую важную и почетную миссию, то оно должно снять наконец с этого человека обвинение, предъявленное ему пристрастным судом. Правительство обязано так поступить в интересах собственного престижа.

Граф Вержен глядел на Пьера своими круглыми, доброжелательными, задумчивыми глазами. Министр был патриотом и философом, преданным делу прогресса. Он давно уже решил оказать помощь американским повстанцам; он боялся, что, если их положение окажется безнадежным, они в конце концов помирятся с метрополией и тогда Франция навсегда упустит благоприятный случай рассчитаться с Англией за позор 1763 года. С другой стороны, министр знал лучше, чем Пьер, что отважиться на войну с Англией можно будет еще очень нескоро, и предложение Пьера об оказании тайной помощи американцам пришлось ему весьма кстати; способный, изобретательный Бомарше казался ему самым подходящим для этого дела человеком. Поэтому граф Вержен чувствовал к Пьеру расположение и был ему в известной мере признателен.

Но он прекрасно видел и слабые стороны Пьера. Сам он был тихим, ироническим человеком, склонным к осторожности в выражениях; шумливость, комедиантство и тщеславие Пьера ему претили. «Пятно» Пьера он не принимал всерьез; в этом было больше забавного, чем трагического, это было чем-то вроде грязного пятна на спине у сверхэлегантного щеголя.

К тому же граф Вержен отличался медлительностью, он любил действовать не торопясь. Он и теперь ответил:

– Вы всегда так горячитесь, дорогой мой. Я же сказал, что готов вам помочь. Но неужели вы не можете потерпеть, неужели не можете немного подождать?

– Нет, нет, нет, – возразил Пьер, – не могу. Я боюсь, – продолжал он злым, дерзким и любезным тоном, – я боюсь, что, покамест с меня не снимут этого пятна, я не смогу оправдать своей работой возлагаемых на меня надежд. Я боюсь, что до тех пор, пока меня не реабилитируют, американцы будут получать меньше пушек и снаряжения.

Не тот человек был граф Вержен, чтобы пугаться таких грубых угроз. Но он заметил решительное и мрачное выражение лица Пьера. Впервые этот человек показался ему совсем не потешным. Министр понял, как глубоко ранил Пьера несправедливый приговор и каким нужно было обладать мужеством, чтобы в течение трех лет острить по поводу незаслуженной обиды.

Вержен поигрывал пером, глаза его были задумчивы.

– Не находите ли вы сами, месье де Бомарше, – сказал он, – что если бы правительство назначило пересмотр вашего дела именно сейчас, то это привлекло бы внимание англичан? А ведь шума мы, во всяком случае, хотим избежать.

Пьер не без резкости ответил:

– Видно, уж мне самой природой суждено обращать на себя внимание. Всякий способный человек обращает на себя внимание, ибо таковых, к сожалению, немного.

– Благодарю за науку, – нисколько не обидевшись, возразил Вержен.

Между тем Пьер, перейдя на самый любезный тон, продолжал:

– Простите меня, граф, за то, что я потерял самообладание. Но вся эта история волнует меня гораздо больше, чем вы, вероятно, полагаете. Впрочем, – сказал он с беззаботно-покорной улыбкой, – пройдет еще много месяцев и, может быть, даже лет, пока будут исполнены все формальности и можно будет начать процесс.

Министр ухмыльнулся.

– Вы, пожалуй, правы, – заметил он. И пообещал: – Хорошо, я поговорю с коллегой из судебного ведомства. Американцы не должны испытывать недостатка в пушках и ружьях, – заключил он с улыбкой.

Пьер рассыпался в благодарностях. Но на этот раз он решил довести задуманное до конца.

– Граф, – сказал он, – ваша голова обременена таким множеством дел, что было бы просто нескромно с моей стороны взваливать на вас еще мои собственные. До сих пор правительство доверяло мне самые разнообразные посты. Поэтому я набрался мужества взять на себя – на самый непродолжительный срок – также и функции вашего секретаря. Я позволил себе подготовить ваше письмо господину генеральному прокурору, – и с любезно-дерзкой улыбкой он протянул графу исписанный лист бумаги. Письмо гласило: «Важные дела короны требуют, чтобы месье де Бомарше в ближайшее время предпринял несколько длительных поездок. Он, однако, затрудняется их предпринять, прежде чем будет решен вопрос о пересмотре его дела. Если бы вы, господин генеральный прокурор, смогли повлиять в этом направлении, вам был бы крайне обязан преданный вам...» – Вам нужно только поставить подпись, граф, – с плутовским видом сказал Пьер.

Министр спросил себя, не осадить ли этого беспардонного малого. Решил, что не стоит. Усмехнулся.

– Вы еще беззастенчивее, чем герои ваших комедий, – сказал он и подписал.

– Я был уверен, что вы войдете в мое положение, – ответил с искренней благодарностью Пьер и взял письмо, ибо хотел передать его сам, и немедленно.

Он радовался, что сможет рассказать своим близким об этом новом успехе. Кто-кто, а Тереза, принимающая столь горячее участие в его борьбе за свои права, будет счастлива еще

больше, чем он сам. Хорошо, что она прислала записку, в которой зовет его поскорее приехать в Медон.

Сдержанная Тереза редко присылала ему подобные письма, обычно только когда ей надо было что-нибудь с ним обсудить. Теперь, правда, все, наверно, пойдет по-другому. Она теперь живет не по соседству, она переселилась в медонский дом, который он ей подарил. А дом принял совсем иной вид, чем он себе представлял. Перестройку и меблировку он целиком поручил Терезе, а она, к его удивлению, устроила все очень скромно и просто. Когда он впервые увидел заново отделанный дом, он с трудом скрыл свое разочарование и у него мелькнула мысль, что если он не живет вместе с Терезой, то в этом есть и своя хорошая сторона.

Но сегодня, полный своей великой новостью, он радовался, что она его вызвала. В самом веселом настроении он тотчас же отправился в Медон. Ему не терпелось ее увидеть, ему казалось, что карета движется слишком медленно. На этот раз он нашел, что дом, в сущности, недурен. Ведь простое убранство сейчас самое модное. У Терезы хороший вкус, она знает, какая оправа ей нужна.

Она вышла ему навстречу, и он тотчас заметил, что сегодня она не такая, как всегда; она казалась веселой, но необычно смущенной. Едва они вошли в дом, она сказала:

– Мне нужно тебе кое-что сообщить, Пьер.

Однако Тереза, всегда такая уверенная и спокойная, не находила сегодня нужных слов, она улыбалась, останавливалась на середине фразы, и все это в каком-то счастливом замешательстве.

Пьер понял не сразу. Когда же понял, пришел в бурный восторг. Ребенок, у него будет ребенок от Терезы. От первого брака у него не было детей, дети от второго брака умерли. В Испании у него, вероятно, подрастает ребенок, но мать рассталась с ним в гневе, и ему так и не удалось ничего узнать толком. Ребенок от Терезы – это великолепно.

И эту радостную весть он узнал чуть ли не в тот же самый день, когда добился пересмотра своего судебного дела.

Боже мой, ведь Тереза еще ничего не знает о его успехе. Он стал рассказывать. Воодушевился. Его воодушевление передалось Терезе. Она участвовала в его долгой борьбе, и вот теперь благодаря своей настойчивости, своей гибкости, своей энергии, своей хитрости и своему терпению он победил. Она испытывала такой же подъем, как тогда, когда впервые прочитала его брошюры, более того – она думала про себя: сбылось! На ее большом, красивом лице выступил легкий румянец, а рот приоткрылся в счастливой улыбке.

– Сегодня хороший день, Пьер, – сказала она. Она говорила тихо, но голос ее звучал еще полнее, еще глубже, чем обычно.

Только теперь, когда кто-то целиком разделял его гордую радость, счастье Пьера достигло вершины. Да, Тереза понимала его лучше, чем любая другая женщина на свете, она была поистине нареченной. Они должны быть вместе, и теперь больше, чем когда-либо.

– Да, – подхватил он ее слова, – это действительно большой день. – И с жаром продолжал: – А теперь мы поженимся, Тереза, не хочу больше слышать никаких возражений.

Но не успел он кончить фразу, как дом снова перестал ему нравиться.

– Как только меня реабилитируют, – заключил он, – мы поженимся.

Она задумалась, и ее большие серые глаза под высоко поднятыми бровями чуть потемнели.

– Если ты считаешь это нужным, Пьер, – сказала она все так же тихо, но без обычной уверенности. – Сколько времени, – продолжала она, – потребует твоя реабилитация?

– Это может произойти очень скоро, месяца через два-три, – ответил он.

Так оно и было. Но из-за судебного произвола дело могло затянуться, и он чувствовал некоторую неловкость оттого, что обусловил свое предложение каким-то сроком. Но как бы то ни было, предложение сделано, и хорошо, что она не обиделась. Они больше не говорили об

этом, зато Пьер особенно весело и усердно принялся предлагать ей разные имена для ребенка. Они решили, что мальчика назовут Александром, а девочку – Эжени.

– Тогда, значит, первый свой корабль, который пойдет в Америку, – заявил с энтузиазмом Пьер, – я назову «Александр», а второй – «Эжени», чтобы предусмотреть оба случая.

В замке Этьоль, резиденции месье Ленормана, праздновали день рождения хозяина, которому исполнился шестьдесят один год. Месье Ленорман славился своими празднествами, к нему любили ходить в гости.

Прекрасный английский парк при замке как нельзя более подходил для светских приемов. Погода стояла великолепная, дул ветерок, и слишком жарко не было. На большинстве дам были пестрые платья и большие светлые шляпы. Гости устраивались в шатрах и на газонах, у разостланных на траве скатертей, ели, пили, играли в незатейливые игры. Кто питал пристрастие к играм более азартным, чем жмурки или крикет, для тех были приготовлены ломберные столы на воздухе и в помещении. В самое жаркое время дня можно было расположиться на диванчиках, специально для этого поставленных в тени деревьев, на террасах и в самом доме.

Теперь, когда стало прохладнее, весь огромный парк наполнился людьми. От внимания гостей не ускользнуло присутствие большого числа придворных. Здесь были герцог д'Эйан, граф и графиня де Ноай, молодой герцог де Ларошфуко, а также супруга премьер-министра мадам де Морепе. Общее внимание обращала на себя Дезире Менар. Репетиции «Жоржа Дандена» поглощали почти все ее время; но месье Ленорман, может быть, именно потому, что она готовила роль Анжелики, необычайно настойчиво просил ее приехать. И вот она здесь; яркая, изящная, рыжеволосая, очень уверенная в себе, она несколько вызывающе прогуливалась по газонам в окружении мужчин.

Мадам де Морепе, по обыкновению, находилась в обществе своей ближайшей подруги, принцессы Монбарей. Они сидели на террасе, потягивали охлажденный во льду лимонад и весело злословили о других гостях. Указав глазами на Дезире, мадам де Морепе сказала:

– Подумать только, что такая тоненькая гусеница гложет такой жирный лист.

Было здесь много совсем молодых людей, даже детей, – месье Ленорман любил молодежь. Принцесса Монбарей также привезла свою дочь, четырнадцатилетнюю Веронику, очень серьезную девочку.

– Плохие нынче времена для детей, – жаловалась мадам де Монбарей. – Наше поколение правильно воспитывали, наши монастырские дамы еще прививали нам вкус к радостям жизни. А поглядите на теперешних девиц, поглядите на мою Веронику, дорогая. В какую брюзгу ее превратили. С тех пор как у нас отняли религию, наши дети стали скучны и нравственны. Что это за мальчик, с которым она беседует? Разве у него не дьявольски унылый вид?

Мальчик, с которым беседовала Вероника, был Фелисьен Лепин, племянник месье Пьера де Бомарше. Молодой человек с угловатым, суровым лицом и большими задумчивыми глазами, в длинном, табачного цвета сюртуке выглядел неуклюжим среди пестрой, живой толпы. Голова шагавшей рядом с ним девочки казалась слишком большой на ее худеньких обнаженных плечах, а пышная, белая в цветах юбка подчеркивала трогательную тонкость ее талии. Так – не по годам взрослые и задумчивые – бродили эти дети среди шумной, праздничной сутолоки, словно они здесь были одни. Во время знакомства Вероника бросила на Фелисьена испытующий, но в то же время ласковый взгляд, и мальчик, обычно замкнутый и смущенный поддразниваниями товарищей, сразу почувствовал к ней доверие. Робко и косноязычно пытался он теперь рассказать ей о своих переживаниях. Этот тон был по душе Веронике. Глядя на него большими теплыми глазами, она призналась ему, что часто и сама чувствует себя чужой и одинокой среди подруг.

Дети уселись у входа в искусственный грот. Они расположились на неудобных, высеченных в камне сиденьях, и под плеск фонтана Фелисьен с гордостью и смущением поведал

девочке, что ему случается читать запрещенные книги. Он прочел даже две книги всеми поносимого и преследуемого властями философа Жан-Жака Руссо. Прочитав эти сочинения, он стал другим человеком. Жизнь людей вокруг него представляется ему с тех пор искусственной, легкомысленной, запутанной и греховной. Мы живем среди сплошных извращений и предрассудков, далекие от того естественного состояния, для которого предназначены созданным нас высшим существом. Много лучше, чем наша жизнь, жизнь подлинных детей природы, так называемых дикарей. Не разделяет ли она это мнение, спросил он Веронику смущенно, решительно и мрачно одергивая слишком длинные рукава своего кафтана.

Вероника отвечала, что ей приходилось слышать о Жан-Жаке Руссо. Но ясное представление об идеях Руссо она получила впервые только сейчас, благодаря Фелисьену. Эти идеи ей очень близки. Торжества, подобные сегодняшнему, ей тоже не доставляют радости, и она тоже мечтает об уединении на лоне природы.

Затем Фелисьен рассказал о своем дяде, месье де Бомарше. Тот живет в самой гуще шумного мира цивилизации, но знает толк и во многом другом, он восприимчив ко всем великим идеям. С таинственным видом Фелисьен прибавил, что месье де Бомарше, по-видимому, даже участвует в создании того царства свободы, разума и близости к природе, которое сейчас строится в Новом Свете. И все-таки он, Фелисьен, не в силах преодолеть свою робость и заговорить с месье де Бомарше о том, что его, Фелисьена, так глубоко волнует. Она, заключил Фелисьен смущенно и восторженно, первая, с кем он говорит об этих вещах.

К ним подошел Поль Тевено. Он раскраснелся, у него был возбужденный вид. С жадностью больного, дни которого сочтены, он всегда тянулся к людям, искал дружбы, любви, сенсаций, и присутствие стольких красивых, молодых, празднично одетых женщин оказывало на него живительное действие. Строгая, несколько высокомерная простота Вероники очень его привлекала. Он поздоровался с молодыми людьми, сел с ними рядом, попытался вступить в разговор. Но они отвечали ему односложно, и, поняв, что он здесь лишний, Поль огорченно умолк и удалился.

Он досадовал на свою неловкость. Он дал себя оттеснить этому ребенку Фелисьену. Месье де Бомарше повел бы себя на его месте совсем по-иному. Тот самым любезным и непринужденным образом отодвинул бы Фелисьена на задний план и добился бы, чтобы маленькая Монбарей замечала только его, Бомарше. Поля всегда восхищала в Пьере легкость, с которой тот приобретал друзей и завоевывал женщин.

Собственно говоря, он, Поль, не мог жаловаться на отсутствие успеха у женщин. Но стоило женщине, которой он добивался, не обратить на него внимания, как он робел, терял мужество и чувствовал себя подавленным. Может быть, причиной этой робости было ощущение своего физического убожества. Однако он сознавал, что лицо его достаточно страстно, умно и даже привлекательно, чтобы женщина забыла о его жалком теле.

Он заметил рослую девушку, одиноко сидевшую на скамье. У нее были живые, с длинными ресницами глаза, крылатые, смелые брови, полный, сильный подбородок; вырез дорогого, очень простого лилово-розового платья открывал смуглые, тускло блестящие плечи и грудь. Поль часто бывал в обществе Терезы, но никогда он не видел ее такой; ему казалось, что он видит ее впервые.

Пьер представлялся ему баловнем судьбы. Жизнь Пьера была непрерывным потоком потрясающих событий, и поток этот становился все шире и громче. Ему же, Полю, жить осталось немного, а что он успел взять от жизни? Пьер, наверно, даже не сознает, какой он счастливый. Он берет все, что ему достается, как нечто само собой разумеющееся.

Увидев Поля, Тереза улыбнулась ему. Ей нравился этот по-мальчишески беспокойный и явно влюбленный в нее человек, она знала о его болезни и относилась к нему с большим сочувствием. Пьер никогда не скупился на похвалы энергии Поля, и Тереза видела, как предан Поль Пьеру.

Она подвинулась и попросила Поля присесть с ней рядом. Они говорили о предприятии Пьера, он рассказал ей об объеме этого нового дела, о его заманчивых и опасных сторонах. Деловые подробности не очень интересовали Терезу, но ей было приятно, что Пьер сообщил ей только о политическом значении американского предприятия и умолчал о своем личном риске.

Ее удивляло, что Пьера до сих пор нет. Поль тоже был поражен. Всем недоставало Пьера; он бывал душой знаменитых празднеств месье Ленормана.

Наконец Пьер пришел. Он обнял Шарло и извинился за опоздание. Когда он уже выезжал из дому, явился курьер с заокеанской почтой, и он, Пьер, не мог устоять перед искушением прочитать ее немедленно. Его нетерпение оправдало себя, продолжал он с самым загадочным и сияющим видом. Он получил чрезвычайной важности известия из Америки и просит у месье Ленормана разрешения поделиться ими с ним и с его гостями.

Он стал на холмик под старым кленом, а гости, любопытствуя, собирались вокруг него. И вот он стоял, окруженный нарядными мужчинами и дамами из Парижа и из Версаля, ждавшими, что он скажет. И когда наступила тишина, а потом и глубокая тишина, он начал:

– Дамы и господа. Только что к нам прибыл документ, в начале июля единогласно одобренный и провозглашенный Конгрессом Объединенных Колоний, или, вернее, Конгрессом Соединенных Штатов Америки. У меня в руках подлинный текст этого воззвания на английском языке. Позвольте мне перевести вам его. Правда, мой перевод будет несколько поверхностным и не сумеет передать всей силы оригинала, превосходно сочетающего спокойствие с пафосом.

И, переводя, он огласил этот документ:

– «Если ход событий вынуждает один народ порвать политические узы, связывающие его с другим народом, чтобы занять среди держав мира то независимое и равноправное положение, на которое ему дают право законы природы, – уважение к мнению человечества требует, чтобы этот народ изложил причины, толкнувшие его на такой разрыв.

Мы считаем, и это истины, не нуждающиеся в доказательствах, что все люди созданы равными, что они наделены Творцом такими неотъемлемыми правами, как жизнь, свобода и стремление к счастью. Мы считаем, что правительства у людей на то и существуют, чтобы охранять эти права, и что права и полномочия правительств зависят от согласия управляемых. Следовательно, если какая-либо система управления отступает от этих целей или вовсе ими пренебрегает, то народ имеет право, изменив или отменив старую систему, создать новое, основанное на таких принципах управление, все формы и полномочия которого были бы направлены на обеспечение безопасности и счастья народа».

Читая эти фразы, Пьер воодушевлялся заново. Ему было важнее передать слушателям впечатление, которое произвел на него американский документ, чем точно его перевести. И это ему удалось. Увлечшись сам, он увлек других. Он стоял на холмике под развесистыми ветвями старого клена, а к нему устремлялось множество взволнованных взглядов. К Пьеру подбежала одна из собак Ленормана, большой черно-белый пятнистый дог; держа в одной руке листок, он стал другою гладить голову пса. Пьер стоял выпрямившись, с сияющим лицом, а собака доверчиво лънула к нему. Иногда от волнения звонкий его голос делался хриплым, но он не старался говорить красиво; если перевод сразу не удавался, он, не стесняясь, обрывал фразу на середине и начинал ее снова. Как раз поэтому слова его звучали так непосредственно, что казалось, будто они родились только сейчас.

– «Осторожность и мудрость требуют, – читал он, – чтобы правительства, державшиеся длительное время, не менялись по незначительным, преходящим причинам. Опыт показывает, что люди склонны скорее сносить зло, покамест оно терпимо, чем пресекать его, устраняя формы, с которыми они сжились. Но если бесконечные злоупотребления и акты произвола неукоснительно преследуют одну и ту же цель – навязать народу деспотический абсолютизм, то

народ этот вправе и обязан свергнуть правительство и создать новые гарантии своей безопасности в будущем. Именно таким было страдальческое терпение этих колоний. Именно такова необходимость, заставляющая их ныне изменить прежнюю систему управления».

То, что читал Пьер, было для его слушателей не ново. Это были идеи, знакомые им по книгам Монтескье, Гельвеция, Вольтера, Руссо. Но если до сих пор эти идеи воспринимались только как некая игра остроумия, то теперь они стали вдруг делами, политическими фактами; они звучали не со страниц книг и не из уст философа, – нет, их провозгласили своим девизом люди, решившие построить новое государство.

Стояла глубокая тишина. Даже вышколенные лакеи, привыкшие и обязанные неустанно прислуживать, изменили своему обыкновению; с блюдами в руках, вытянув шеи, напряженно ловя каждое слово, застыли они на краю лужайки. В заполненном людьми парке было так тихо, что стали слышны и пенье птиц, и малейшее дуновение ветра. Все, не отрывая глаз, глядели на Пьера, большинство – с восхищением, некоторые – с недовольством, словно он сам был автором этой декларации. Многие знали, что у него какие-то дела с повстанцами, иные посмеивались над этими делами сверхпредприимчивого дельца. Теперь над ним уже никто не посмеивался. Теперь все чувствовали, все знали, что этому Пьеру Карону де Бомарше поручено дело мирового значения, что он олицетворяет участие Франции в грандиозном замысле, осуществляемом по ту сторону океана.

А Пьер читал:

– «История нынешнего короля Великобритании – это история непрекращающихся несправедливостей и произвола, это хроника дел, единственная цель которых – абсолютная тирания над нашими штатами. В доказательство своей правоты мы предлагаем вниманию всего непредубежденного мира следующие факты. Он отказался одобрить законы, крайне полезные и крайне необходимые для общественного блага, он с помощью своих губернаторов затягивал утверждение неотложных законов, он чрезвычайно небрежно относился к своей обязанности изучать законопроекты. Он созывал законодательные корпорации в местах, где они никогда прежде не заседали, в местах неподходящих, неудобных и удаленных от хранилища государственных актов, преследуя только одну цель – придраться к этим корпорациям и тем самым воспрепятствовать их деятельности».

Большими карими сияющими глазами глядел на своего друга и повелителя Поль Тевено. Он стоял в неизящной позе, в его вялых, обвисших плечах было что-то жалкое, но его красивая, одухотворенная голова жадно тянулась вперед: он впитывал в себя каждую фразу обвинения, выдвинутого Конгрессом Соединенных Штатов против английского короля. Поль забыл о стоявших вокруг него женщинах, забыл о своей болезни, в его душе отдавалось музыкой все, что он слышал, – низложение недостойного монарха, свобода, Америка, великая война, оружие для Америки, великая миссия, на его друга пал выбор и на него самого.

Графиня Морепя, супруга премьер-министра, тоже слушала теперь молча и не отрываясь. Когда Пьер начал говорить, она как раз нашептывала какой-то анекдот своей подруге Монбарей. Но тут произошло нечто такое, чего с ней никогда еще не случалось. Молодой герцог де Ларошфуко сердитым шепотом сказал ей:

– Пожалуйста, не мешайте, мадам. – И, скорее пораженная, чем обиженная, она умолкла на полуслове.

Терезе кто-то разостлал плед на выложенном дерном холмике. Там она и сидела, и ее большое, живое лицо было устремлено к ее другу и возлюбленному. Сосредоточенно слушала она фразы, которые он произносил, она пила их, она видела его пылавшее прекрасным волнением лицо, она очень его любила. Он умолчал в разговоре с ней о деловом риске, связанном с его предприятием. Дело, за которое он боролся, было благородным делом гражданской свободы. То, что он говорил, и то, как он это говорил, напоминало слова, которые однажды толкнули ее к нему, напоминало фразы из брошюр времен его злосчастного процесса, когда он

боролся не только за себя, но и за право и справедливость для всех, когда он от имени граждан всего мира выступал против аристократии, против привилегированных.

Пьер читал:

– «Король Англии неоднократно распускал палату представителей, потому что она мужественно противостояла его нападкам на права народа. Он учреждал множество новых должностей и присылал толпы чиновников, чтобы они изводили наш народ крючкотворством и прибирали к рукам наши богатства. Он заставлял нас в мирное время содержать его регулярные войска, не считаясь с волей наших законодательных корпораций».

Сильное и выразительное лицо актера Превиля из «Театр Франсе» застыло как маска, когда он слушал чтение Пьера. Слова декларации волновали Превиля, но в то же время он был зол на этого Карона де Бомарше, который всегда отнимал у людей лучшую долю заслуженной ими славы. Мало того что этому Бомарше приписывали главную заслугу в успехе «Севильского цирюльника», комедии, которую он только сочинил, тогда как они, актеры, и в первую очередь он, Фигаро-Превиль, завоевали пьесе победу, – этот выскочка выхватывает у него из-под носа и такой, в общем-то, пустяк, как успех на сегодняшнем празднестве. Неделями работали люди над маленьким фарсом, который предстояло показать после ужина, десятилетиями изучали технику игры и речи, и вот откуда ни возмись является этакий дилетант, становится под дерево, почесывает собаке голову, читает по бумажке, – читает неумело, без подготовки, запинаясь, – и нашему брату уже нечего делать.

Просветленный, сияющий, глядел на своего сына папаша Карон. Старик стоял выпятив грудь, гордый своим мещанским кафтаном. Священник, проповедь которого он слушал, присутствуя в последний раз на гугенотском богослужении, казался ему высшим олицетворением великого, справедливого, карающего гнева. Но сейчас на его глазах сооружался еще более внушительный монумент возмущения. Воспоминание о священнике померкло при виде стоявшего под деревом человека, который клеймил английского тирана и бил в колокол свободы.

А Пьер продолжал читать о преступлениях английского короля:

– «Он отдал нас во власть юрисдикции, чуждой нашему укладу и отвергнутой нашими законами. Он расквартировал у нас многочисленное войско. Он лишил нас торговых связей со всем остальным миром. Он обложил нас налогом, не спрашивая нашего согласия. Он уволил наших граждан за океан, чтобы судить их за мнимые преступления. Он упразднил наши законодательные корпорации и присвоил себе право устанавливать для нас законы по своему усмотрению. Он сам отрекся от власти над нами, отказав нам в своей защите и поведя против нас войну».

Среди тех, кто глядел на Пьера, читавшего американское воззвание, был и благодушный, похожий на добропорядочного обывателя, несколько непривычно одетый человек; плотный, расшитый цветами атласный жилет обтягивал его круглый живот. Это был мистер Сайлас Дин, представитель Объединенных Американских Колоний. Он внимательно следил за говорившим. Он чувствовал всеобщее возбуждение, чувствовал, что речь идет об Америке, но, не зная французского языка, не понимал ни слова. Среди нескольких сотен человек он был единственным, кто не сообразил, что он теперь уже не представитель Объединенных Колоний, а представитель Соединенных Штатов.

Далеко от него стоял в толпе доктор Дюбур. Он умышленно не прошел вперед, поближе к оратору. Чем похвастается сегодня этот борзописец и выскочка Пьер Карон? Когда выяснилось, что сообщение Пьера действительно необычайно важно, доктору Дюбуру стало на миг досадно, что не он сам, а месье Карон сообщил столь избранному обществу эту новость. Конечно, тот может позволить себе такую роскошь, как специальный курьер из Гавра, а он, Дюбур, получит это известие в лучшем случае только завтра. Но в следующее мгновение доктор Дюбур думал уже не о своей вражде с Пьером Кароном, а о содержании сообщения Пьера; он был захвачен пафосом благородных слов, перед его глазами вставал образ его великого друга,

доктора Бенджамина Франклина. Теперь, значит, Франклин на это отважился. Теперь, значит, Франклин этого добился. И путем обратного перевода доктор Дюбур мысленно соединял звонкие, блестящие фразы Пьера в размеренные, неторопливые периоды своего почтенного друга.

А Пьер читал:

– «Король Англии учинил грабеж в наших морях, он напал на наши берега, он сжег наши города и многих из нас лишил жизни. Теперь он переправляет через океан армии чужеземных наемников, чтобы завершить черное дело смерти, разбоя и тирании, начатое им с такой жестокостью и таким вероломством, каких не знали и самые варварские времена. Он натравил на нас индейцев, бессердечных дикарей, для которых война означает поголовное истребление противника без различия пола и возраста. Несмотря на все притеснения со стороны короля, мы самым почтительным образом ходатайствовали перед ним о прекращении произвола. Ответом на наши неоднократные просьбы служили только новые оскорбления. Правитель, обладающий всеми качествами тирана, не может властвовать над свободным народом. Поэтому мы вынуждены отделиться от наших британских братьев и считать их, как и все остальное человечество, врагами в войне, друзьями в мире».

Дезире сидела на скамеечке, наклонившись вперед, подперев щеку рукой; ее красивое, дерзкое лицо было задумчиво, брови сдвинуты. Она слушала чтение Пьера, как главную сцену волнующей своей новизной пьесы. Странно, что эти простые, исполненные достоинства слова, которые, конечно, еще долго и часто придется слышать, впервые прозвучали из уст ее легкомысленного, изящного, остроумного Пьера. Она видела, что Пьер не играет, не позирует, что он до глубины души полон тем, что сейчас читает. Он явно забыл, что этот великий манифест имеет отношение и к его деловым интересам. Она поглядела в сторону Шарло. Вид у него был угрюмый и, словно у человека, слушающего музыку, глуповатый. Лицо его ничего не выражало, и вполне возможно, что про себя он уже отметил связь, существующую между провозглашением человеческих прав, с одной стороны, и делами – своими и Пьера – с другой.

И уже совсем как зачарованные, забыв все на свете, слушали Пьера Фелисьен и Вероника. Они давно уже смутно чувствовали, что *не может не быть*, не может не существовать на свете чистоты, свободы, правды, идеала; но все это были только предчувствия, только догадки. Теперь эти догадки стали знанием, стали уверенностью. Свободу, правду, идеал можно было теперь видеть воочию. С отрешенными лицами ловили дети каждое слово декларации. Они незаметно для себя взяли за руки, не отрывая глаз от человека, который произносил эти окрылявшие душу слова.

А тот стоял во весь рост и, торжествуя, бросал безмолвной толпе заключительные фразы декларации:

– «Мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на очередном заседании Конгресса и призывая всевышнего судию в свидетели наших честных намерений, торжественно заявляем от имени и по поручению доброго народа этих колоний: эти Объединенные Колонии являются отныне свободными и независимыми штатами. Они не имеют отныне никакого отношения к британской короне. Всякие политические связи между ними и государством Великобританией прекращены окончательно и бесповоротно. Твердо уповая на Божественное провидение, мы ручаемся за выполнение этой декларации своей жизнью, своим состоянием, своей честью».

Когда Пьер кончил, почти целую минуту стояла мертвая тишина. Потом все захлопали в ладоши, устремились к Пьеру, окружили его, стали его обнимать; они говорили ему что-то бестолковое и бессвязное – все эти нарядные, блестящие, изящные, церемонные господа и дамы из Парижа и Версаля. Восторг был такой, словно речь шла не о событиях, которые произошли много недель назад за тысячи миль от Франции, а о декларации, непосредственно касающейся всех собравшихся, словно они сами провозгласили ее, словно этот стоявший среди них человек сочинил ее от их имени.

Впрочем, некоторые вскоре почувствовали, что такой восторг не вполне уместен и что слишком долго поддерживать его не следует. Мадам де Морепа, например, заметила своей подруге Монбарей:

– Кто, кроме нашего Туту, сумел бы приправить свои делишки таким великолепным соусом?

Она обычно называла Пьера «наш Туту».

Хозяин дома и виновник торжества месье Ленорман также не разделял всеобщего энтузиазма. Правда, как только Пьер кончил, с лица Ленормана сошло выражение угрюмой растерянности, и, когда при нем восхищались декларацией, он вежливо кивал своей большой головой; но в глубине души он вовсе не был согласен с тоном этого заявления. Он был передовым человеком, он сочувствовал делу инсургентов и желал поражения англичанам. Но он был убежденным сторонником французской абсолютной монархии, он считал просвещенный деспотизм лучшей формой правления и боялся, что слишком явная победа повстанцев усилит и во Французском королевстве дух мятежа и анархии. Конечно, филадельфийские события заслуживали одобрения. Но месье Ленорман не любил пафоса, он считал, что патетика хороша для домашнего употребления, а перед лицом всего мира на несправедливость нужно отвечать иронией. Эти честные борцы на Западе, может быть, и правы, но вкуса у них нет, что ясно, то ясно, и Пьер мог бы сделать что-нибудь более разумное, чем читать их выпретенное заявление с таким риторическим пафосом. Месье Ленорман был немного огорчен, что эта патетическая сцена придала его празднику неверный тон.

Он подошел к Пьеру, который все еще стоял на прежнем месте, окруженный гостями. Большая добрая собака не отходила от Пьера, она ласкалась к нему, и он время от времени почесывал у нее за ухом. Пьер умел обращаться с собаками, он любил их, его собака Каприс носила ошейник с надписью: «Меня зовут Каприс, Пьер де Бомарше принадлежит мне, мы живем на улице Конде». Чуть заметно улыбаясь своими полными губами, месье Ленорман подошел к нему и сказал:

– Внушительная декларация, друг мой. Теперь, значит, инсургенты и в самом деле поставили на карту все – и жизнь, и состояние. Для этого нужно мужество, нужна храбрость. – Он пожал руку Пьеру, не то поздравляя, не то соболезнуя, и удалился.

Стоявшие кругом гости улыбнулись вежливо и непонимающе. Пьер смутился. Но он тотчас же прогнал прочь свою досаду. Он понял Шарло, – ведь тот сегодня виновник торжества, и, конечно, ему неприятно, что Пьер оттеснил его на второй план. Пьер решил задобрить друга.

Такая возможность представилась вскоре, когда после роскошного ужина и фейерверка гости направились в большой театральный зал на представление комедии.

Несмотря на всю свою манерность и взыскательность, месье Ленорман любил, чтобы на его домашней сцене ставились не только строгие современные трагедии, но иногда и фарсы, так называемые «парады», полные разнузданнейшего натурализма. С большой откровенностью говорили герои этих фарсов о вещах, связанных с пищеварением и отношениями полов, вынося на сцену самое грубое, самое непристойное из того, что называлось аристофановской вольностью. После манерной чопорности и сложного церемониала их повседневной жизни господы и дамы версальского двора и парижских салонов находили в этих вульгарных зрелищах большое удовольствие. «Нужно уметь, – сказал однажды премьер-министр Морепа, – превращаться то в Бога, то в свинью, но всегда оставаться очаровательным».

Такого рода сцены Пьер писал шутя, при желании он делался мастером вульгарного стиля. Для сегодняшнего вечера он приготовил три маленьких фарса; особые надежды он возлагал на последний. Содержание его составляла борьба двух торговых рыбных рядов, мадам Серафины и мадам Элоизы, за возмещение убытков, которые они понесли, когда опрокинулась тачка с их товаром. Обе спорят между собой, спорят с прохожими, спорят с полицейским, спорят с судьей, у обеих неистощимый запас сочных, крепких, соленых оборотов, и они черпают

из него, не скупясь. Фарс заканчивался пляской и восхвалением месье Ленормана, единственного человека, который согласился выслушать мадам Серафину и мадам Элоизу и возместить им убытки.

Роль мадам Серафины должен был исполнять месье Превиль, игравший в «Театр Франсе» Фигаро. Роль мадам Элоизы должен был играть месье Монвель, исполнявший в том же спектакле роль дона Базилио. Пьер немного выпил, он был возбужден успехом своего сообщения, он любил переходить от одной крайности к другой, и ему пришло в голову самому сыграть мадам Элоизу. Это было бы не только забавнейшим развлечением, но и данью уважения хозяину, способной рассеять досаду Шарло.

Ни месье Превиль, ни месье Монвель не пришли в восторг от этой идеи. Но они знали, что не смеют возражать всемогущему автору «Цирюльника». С кислыми минами они повиновались, и Пьер надел юбку и деревянные башмаки мадам Элоизы. Он наспех соорудил себе пышный бюст; парикмахер быстро загримировал его, искусно придав ему самый вульгарный вид. Тут раздался условный стук, и они вышли на сцену.

Если Пьер не хотел смертельно обидеть обоих актеров, он должен был добиться, чтобы импровизированное представление получилось лучше, чем подготовленное заранее. Он напряг все свои силы. Вскоре актер Превиль увидел, что имеет в лице Пьера партнера, по меньшей мере не уступающего актеру Монвелю. После нескольких фраз оба разошлись, все более и более отдаваясь безудержному веселью этого маскарада. Споря, жалуясь и ругаясь на сочном жаргоне, мадам Серафина и мадам Элоиза терпели одно злоключение за другим.

Узнав своих любимцев Бомарше и Превилья, зрители были радостно поражены; грубый фарс с переодеваниями доставлял им огромное наслаждение, они смеялись, смеялись все больше и больше. Дамы с осиными талиями и нарумяненными лицами корчились, задыхались от смеха и бешено аплодировали. Месье Ленорман сиял, он обнял Пьера и простил своему другу неприятность, которую тот ему причинил.

Но детей, Веронику и Фелисьена, этот маленький фарс испугал. Они с ужасом глядели на человека, паясничавшего, бранившегося, непристойно плясавшего и горланившего на подмостках. Неужели это был тот, кто несколько часов назад окрылил им душу? О, лучше бы они ушли, не дожидаясь спектакля. Им было стыдно за него, стыдно за себя самих. Неужели таков человек, неужели он всегда скатывается с небесной высоты в гнусную грязь?

Окруженный толпой, осыпаемый поздравлениями, Пьер заметил обоих молодых людей в конце зала. Он видел их позы, их лица, он догадывался, что они сейчас чувствуют, и ему стало не по себе. Ему было досадно. В возрасте Фелисьена у него уже были связи с девушками; а этот малый в свои пятнадцать лет совсем еще ребенок и к тому же надменный моралист. И, продолжая вести шуточные разговоры, Пьер думал: «Какое чопорное, брюзгливое поколение у нас подрастает. У него нет терпимости, все человеческое ему чуждо».

Тучный мистер Сайлас Дин расхаживал теперь повсюду с самым энергичным и гордым видом, представляя Соединенные Штаты. Пьер благоразумно привлек его к своим делам, так что мистер Дин вел переговоры с судовладельцами, со всякого рода поставщиками и чувствовал себя полезным деятелем.

Пьер познакомил его с несколькими важными лицами – убежденными сторонниками американцев, среди прочих – с графом де Брольи, маршалом Франции, очень богатым человеком, принадлежавшим к старинному дворянскому роду. Пятидесятивосьмилетний фельдмаршал, известный своими военными подвигами во всем мире, произвел на коммерсанта из Коннектикута сильное впечатление. Граф де Брольи был готов, если американцы его пригласят, отправиться за океан и в качестве «регента» взять на себя руководство армией и правительством. Чтобы войти в контакт с инсургентами, он отправил в Америку своего друга и ближайшего помощника полковника де Кальба, который спас ему жизнь в битве при Росбахе. Будучи

хорошим офицером и толковым человеком, этот месье де Кальб привез оттуда много любопытного материала. Правда, он вынужден был доложить, что американцы пока не решаются принять предложение маршала. Но этот ответ не уменьшил преданности месье де Брольи делу инсургентов.

И вот Сайласу Дину было поручено завербовать в американскую армию некоторое количество способных офицеров, в особенности – саперов и артиллеристов. Он рассказал об этом маршалу, и друг де Брольи, полковник де Кальб, выразил желание завербоваться; так как месье де Кальб не был по происхождению аристократом – даже приставка «де» перед его фамилией была сомнительна, – о дальнейшем его продвижении во французской армии не могло быть и речи; полковничий чин достался ему только благодаря влиянию маршала, и то с большим трудом. Мистер Сайлас Дин был горд и счастлив, что может от имени Конгресса предложить заслуженному офицеру звание генерал-майора американской армии. Новоиспеченный генерал представил Сайласу Дину других военных, готовых поступить в американскую армию, главным образом младших офицеров, и Сайлас Дин, обрадованный таким энтузиазмом, принял на службу всех скопом, пообещав им, что каждому будет присвоено звание по крайней мере на один ранг выше того, какое у него было во французской армии.

Но когда дело дошло до задатка, прогонных и экипировочных, возникли первые трудности. Конгресс отпустил мистеру Дину лишь небольшую сумму, посулив ему выручку от продажи захваченных товаров, которые доставят во французские порты американские капитаны. Однако этих товаров все не было и не было, а средства мистера Дина подходили к концу; платить судовладельцам, поставщикам и офицерам было нечем. Мистер Дин посылал в Конгресс письмо за письмом, требуя денег для оплаты поставок месье Бомарше и для самого себя. Конгресс либо не отвечал, либо отвечал невразумительно.

Сайлас Дин был патриотом, он был предан делу свободы. Ради служения этому делу он бросил на произвол судьбы отлично налаженное предприятие в Коннектикуте, он гордился тем, что представляет Соединенные Штаты. Он был человеком смышленным и знал жизнь. Он знал, что Конгрессу приходится добывать деньги на самые насущные, самые неотложные нужды, что денег у Конгресса нет, что ход войны оставляет желать лучшего. Как это ни было огорчительно, мистер Дин понимал, что Конгрессу сейчас не до просьб своего представителя, находящегося где-то за тридевять земель, в Париже.

Мистер Дин не знал только, что уклончивость Конгресса вызвана стараниями того самого мистера Артура Ли, с которым Пьер познакомился в Лондоне. Мистер Ли был уже достаточно уязвлен тем, что месье де Бомарше не устроил ему обещанной аудиенции в Версале; когда же Конгресс назначил своим уполномоченным в Париже не его, а другого, мистер Ли разозлился вконец. Подозрительный от природы, он заключил из разговоров, которые вел Бомарше в Лондоне, что фирма «Горталес» – это просто фикция, фасад. Мистер Ли не замедлил передать это мнение своим влиятельным филадельфийским братьям и самому Конгрессу. Поставки фирмы «Горталес», – писал он, – не что иное, как подарок французского короля Соединенным Штатам; если Бомарше и Дин изображают дело иначе, значит они хотят на этом нагреть руки. Конгресс прочитал эти письма, у Конгресса не было денег, Конгресс счел себя вправе положиться на своего лондонского представителя Артура Ли и не откликаться на все более и более настойчивые просьбы своего парижского представителя Сайласа Дина.

Когда деньги Сайласа Дина пришли к концу, когда нечем стало платить даже за постой в Отель-д'Амбур, мистеру Дину пришлось обратиться к услужливому месье де Бомарше. Потев в расшитом цветами жилете, толстый, смущенный, рассказывал он Пьеру о своих неприятностях. Пьер был поражен. Если господа из Филадельфии не могут выслать своему представителю каких-то несколько сотен долларов на жизнь, как же станут они выплачивать миллионы, которые они должны фирме «Горталес»? Пьер представил себе чуть заметную улыбку Шарло, его жирный, любезный голос: «Теперь, значит, инсургенты поставили на карту все – и жизнь,

и состояние». Но лицо Пьера не отразило этих невеселых мыслей. Улыбаясь и бравируя своей щедростью, Пьер заявил, что фирма «Горталес» будет рада выдать мистру Дину необходимую ссуду.

Добродушное лицо мистера Дина просияло. Какое счастье, что здесь, в Париже, есть этот месье де Бомарше, который добывает из-под земли оружие, говорит по-английски, терпеливо ждет платежей за товары, поставленные Конгрессу, и вдобавок ко всему готов помочь человеку деньгами, когда тот в нужде.

На две или на три недели мистер Дин был спасен. Но что будет дальше?

Ближайшая почта из Америки принесла ему некоторое утешение. Денег, правда, Конгресс и на этот раз не прислал, но зато Конгресс известил мистера Дина о своем решении направить в Париж еще одного представителя, доктора Бенджамина Франклина. Если этот знаменитый человек возьмет на себя руководство здешними делами, то ему, Сайласу Дину, бояться больше нечего. Конечно, до прибытия доктора Франклина в Париж пройдет еще несколько месяцев; но было отрадно сознавать, что конец неприятностям не за горами.

При всем своем темпераменте и тщеславии, при всей своей азартности Пьер был неутомимым работником и блестящим организатором. Склады фирмы «Горталес» наполнялись оружием, мундирами и другим товаром; в верфях Гавра, Шербурга, Бреста, Нанта, Бордо и Марселя строились суда, которые должны были доставить эти товары в Америку, и фирма нанимала капитанов и матросов, которым предстояло эти суда повести.

У фирмы «Горталес» имелись агенты во всех крупных портовых городах Франции. Так, в портах севера эту роль исполняли господа Эмери, Вайян и д'Остали, в портах юга – господа Шасефьер и Пейру, не говоря уже о других, менее видных. Одни были добросовестны и исполнительны, другие плутоваты и ненадежны. Пора было посмотреть, как там идут дела.

Деятельность фирмы «Горталес» в портовых городах Франции находилась, однако, под пристальным наблюдением английской разведки, и статс-секретарь Жерар то и дело напоминал Пьеру о строжайшей секретности его предприятия. Северные порты кишмя кишели шпионами. Пьер послал на север Поля Тевено, а сам, со своим другом Филиппом Гюденом, инкогнито, под именем месье Дюрана, отправился «с познавательными целями и для увеселения» на юг.

Пьер любил путешествовать. Глаза и душа его были открыты чужим краям, он радовался новым городам, новым людям. Спокойный, склонный к созерцательности, жадный до удовольствий, Гюден был идеальным спутником. Бесконечно преданный своему другу, он не обижался на Пьера за то, что тот совершенно не посвящал его в свои сложные и нередко темные дела. Верный Филипп всегда был к услугам Пьера и держался в стороне, если чувствовал, что может ему помешать. Гюден был также превосходным сотрапезником, он ел и пил с заразительным удовольствием. Кроме того, Филипп обладал чувством юмора и готов был участвовать в любой шутке. Наконец, у него были огромные, безотказные знания, которыми Пьер всегда мог располагать.

Так колесили они оба по южным провинциям Франции. Богатая, в осенней зрелости, расстилалась перед ними земля. Они останавливались в хороших трактирах, наслаждались природой, вином, женщинами.

И еще они наслаждались ароматом истории. Филипп Гюден был страстным исследователем древностей. Среди старинных стен он чувствовал себя как дома, для него развалины принимали свой первоначальный вид, и в них оживали прежние обитатели.

Пьер не был глух к подобным воспоминаниям, он расцветчивал рассказы Филиппа своим остроумием и своей фантазией. А тот снова и снова твердил:

– Какая жалость, Пьер, что ты не учился. Какой бы ученый из тебя вышел! Какого гения лишилась в твоём лице французская классическая трагедия.

– Ах, оставь меня в покое, – отвечал легкомысленно Пьер, – хватит с меня того, что есть.

Сам он полагал, что у него есть задатки для того, чтобы стать трагическим поэтом не меньшего пошиба, чем Корнель или Расин, что при других условиях он бы, пожалуй, и стал им, но что ему суждено достигнуть в лучшем случае мольеровской славы. Тем не менее он был, в общем, благодарен судьбе, уготовившей ему поприще великого дельца. Ему казалось, что сейчас не только привилегии происхождения, но и привилегии ума начинают меркнуть по сравнению с привилегией денег. Но он, Пьер, обеспечен всеми тремя великими привилегиями. Ум он получил от рождения, денег и дворянства добился.

Иногда дела заставляли Пьера на несколько часов или на несколько дней расставаться с Гюденом. Оставшись один, Филипп занимался своими науками, писал, читал и размышлял о том, что сам он, подобно тени, витающей над могилами и развалинами, вызывает мертвых, умудряя будущие поколения, тогда как его великий друг, заботясь о благе современников, объезжает верфи и судовладельцев, приводит в движение тысячи прилежных рук, направляет тысячи умов как организатор и созидатель. И он сравнивал Пьера с викингом, с королем-мореходом, уходящим в поход, чтобы завоевать для своего племени новые государства.

Когда они бывали на людях и Пьер покорял своим умом и живостью каких-нибудь незнакомых сотрапезников, случалось, что Филипп Гюден не сдерживал своего восторга и давал понять окружающим, что месье Дюран не кто иной, как знаменитый месье де Бомарше. Если после этого к Пьеру приставали с расспросами, он упорно отрицал свое тождество с Бомарше, но так, что всем становилось ясно, кто перед ними.

В прекрасном городе Бордо это привело к происшествию, которое сначала доставило Пьеру немалое удовольствие, а потом – огорчения. В Бордо, на верфи господ Тестара и Гаше, по заказу Пьера перестраивалось одно вместительное старое судно. Пьер часто заходил в контору фирмы «Тестар и Гаше», но никто, кроме месье Гаше, не знал его настоящей фамилии. Как раз в это время в Бордо был построен большой новый театр, и к его открытию актеры готовили пьесу «Севильский цирюльник». Пьер ежедневно по нескольку раз ходил мимо этого театра; очень велик был соблазн пройти на сцену и сказать: «Это я, я Бомарше». Но Пьер сумел устоять перед искушением и настойчиво просил добродушно-болтливого Гюдена ни в коем случае не нарушать его инкогнито. Гюден с видом заговорщика энергично кивал головой: «Моешь на меня положиться».

Однако когда вечером в гостинице кто-то из сидевших за соседним столом сказал, что лицо Пьера ему знакомо, Гюден не удержался от предательской улыбки. На следующий день в городе только и было толков, что о знаменитом месье де Бомарше, который приехал сюда, чтобы освободить Америку и присутствовать на премьере своей пьесы. А еще через день месье Дюрана посетила делегация актеров, которая попросила его руководить репетициями «Цирюльника». Вежливо улыбаясь, месье Дюран спросил делегатов, какое значение могут иметь для опытных, заслуженных художников советы ничем не замечательного месье Дюрана. Ответив на улыбку улыбкой, актеры сказали, что если месье Дюрану угодно остаться месье Дюраном, то они готовы пойти навстречу его желанию, но пусть он все-таки примет участие в репетициях. Месье Дюран принял в них самое пылкое участие и сделал ряд ценных замечаний, которые были с благоговением приняты. Спектакль прошел с триумфальным успехом, актеры указали зрителям на сидевшего в ложе месье Дюрана, публика устроила месье Дюрану овацию, и Пьеру, как бы защищаясь от приветствий, пришлось поднять руку и с улыбкой сказать: «Что вы, друзья мои, я ведь месье Дюран».

Довольный этими впечатлениями, он вернулся в Париж. Тут он сразу почувствовал, что сладкий напиток славы оставил на дне чаши горький осадок.

Когда он явился к графу Вержену, его принял не министр, а месье де Жерар. Пьер не любил вести переговоры с месье де Жераром. Жерар держался корректно, но в нем не было ничего от философски-насмешливой любезности Вержена. Сегодня Жерар был особенно сух.

– Вам прекрасно известно, месье, – набросился он на Пьера, едва успев поздороваться, – что лорд Стормонт неоднократно посещал министерство иностранных дел и с документами в руках указывал нам на сомнительную или, вернее, уже не вызывающую сомнений деятельность торгового дома «Горталес». С самого начала, месье, вы были предупреждены, что из-за вас возникнут трудности в наших отношениях с Англией; мы настойчиво просили вас избегать каких бы то ни было опрометчивых действий. И вот в то самое время, когда в Бордо ведутся подозрительные работы на двух больших судах, – на бордоской премьере «Севильского цирюльника» появляется некий месье Дюран, и все знают, кто этот месье Дюран. О чем вы думаете, месье, позволяя себе подобные выходки? Не воображаете ли вы, что правительство короля возьмет на себя ответственность за ваши действия?

Прикусив от досады губу, Пьер ответил, что если англичане обратили внимание на фирму «Горталес», то только из-за безответственной болтовни некоторых безответственных лиц, и в качестве примера назвал честного, полного благих намерений, болтливую хвастуна Барбе Дюбура.

Однако статс-секретарь резко отверг такое оправдание.

– Пожалуйста, месье, – сказал он, – не думайте, что мы настолько глупы. Мы прекрасно знаем и вас, и доктора Дюбура, и ваши неосторожности нам надоели. Пожалуйста, решайте, будете ли вы впредь считать себя уполномоченным нашего министерства или частным лицом. В первом случае вы обязаны вести себя надлежащим образом, во втором – можете поступать, как вам заблагорассудится.

Пьер удалился в самом дурном настроении.

Осложнения возникли не только в Париже, но и на севере. Поль сообщал, что там уже совершенно готовы три судна, но англичане всячески препятствуют их отплытию; они ежедневно осаждают протестами морского министра, и французские власти, несмотря на свое доброжелательное отношение к фирме, вынуждены создавать иллюзию строжайшего расследования. При таких обстоятельствах Поль не мог оставить дела на попечение господ Эмери и Вайяна, он решил дожидаться отплытия судов.

Охотнее всего Пьер поехал бы туда сам. Он верил, что у него хватит изобретательности и отваги, чтобы там, на месте, справиться с интригами англичан и, выбрав подходящий момент, дать приказ об отплытии, независимо от того, добьется ли он официального разрешения портовых властей или нет. Кроме того, Пьер страстно желал своими глазами увидеть, как выйдут в море первые его суда. Но он с досадой вспоминал о месье де Жераре; к сожалению, нечего было и думать о поездке в Брест.

Вообще-то, чертовски любезно было со стороны Поля, что он столько времени торчит на севере. Пьер хорошо знал, как любит Поль свой Париж; страсть Поля к чудесному городу усиливалась, оттого что он сознавал свою обреченность и стремился взять от жизни все возможное. К тому же дело шло к зиме, и пребывание на атлантическом побережье было Полю очень вредно.

Пьер рассказал Терезе о трех груженных товаром судах, ожидавших отплытия в Бресте и Гавре. Одно названо «Александр», второе – «Эжени», третье – «Виктуар». Пусть суеверные гадают, что бы это значило, когда какое-то из них уйдет первым. Тереза спросила, не повредит ли длительное пребывание на северном побережье здоровью Поля.

– Меня это тоже беспокоит, – ответил Пьер. – И я ему уже на этот счет намекнул. Но он хочет во что бы то ни стало дожидаться отплытия, он пишет, что суда вот-вот отправятся в путь.

И действительно, через неделю Поль сообщил, что возвратится в ближайшие дни. Судно «Виктуар» вышло в море, и если не возникнет никаких неожиданных препятствий, то в тот момент, когда Пьер получит это письмо, далеко в море будут и два других судна – «Александр» и «Эжени».

Пьер сидел за своим большим письменным столом, на котором лежало письмо Поля, и широко улыбался. Он глядел на стену, на голое место, предназначенное для портрета Дюверни, портрета, который у него отобрали после процесса. Но он не видел голого места. Он ничего не видел, кроме судов, его судов, везущих за море, в Америку, оружие для борьбы за свободу и лучший мир.

Глава вторая Франклин

Старик стоял у поручня, плотно закутавшись в шубу, декабрь только начинался, но было уже очень холодно; свою большую, тяжелую голову старик тоже надежно укрыл меховой шапкой. Из-под шапки на воротник шубы падали длинные прямые седые волосы.

Дул резкий ветер, и даже здесь, в тихой Киберонской бухте, судно сильно качало. Глядя на берег сквозь большие, в железной оправе очки, старик непроизвольно сжимал обеими руками перила.

Поездка продолжалась недолго, путешествие в Европу заняло неполных пять недель, но приятным его никак нельзя было назвать. Нет, непрерывный, ни на минуту не ослабевавший ветер не беспокоил старого Бенджамина Франклина, он никогда не страдал от морской болезни. Но еще отправляясь в эту поездку, он чувствовал, что изнурен и замучен долгими заседаниями в Конгрессе и неподвижным образом жизни, а нездоровая корабельная пища извела его вконец. Свежая птица была для его зубов слишком жесткой, и, питаясь преимущественно солониной и галетами, он заболел цингой, хотя и в легкой форме; струпья на его лысеющей голове и сыпь на теле изводили его нещадно.

Но хуже всего было постоянное сознание опасности. Правда, перед своими внуками, семнадцатилетним Вильямом и шестилетним Бенджамином, он, как всегда, разыгрывал полную невозмутимость. Он изо дня в день измерял температуру воздуха и воды, продолжал свои наблюдения за Гольфстримом и методически занимался с внуками французским языком, одновременно совершенствуя и свои познания. Но за этим напускным спокойствием всегда таилась неприятная мысль: «Не встретить бы английский военный корабль». Такая встреча означала для Франклина почти верную гибель.

Однако все сошло хорошо, очень хорошо, «Репризал» захватил даже два небольших торговых судна противника, одно – с лесом и вином, другое – с грузом льняного семени и спирта. А теперь был виден берег, опасность миновала.

Он стоял у перил, ощущая слабость в ногах, особенно в коленях, а перед ним открывалась Франция, страна, которую он хотел расположить в пользу Америки, в пользу своего дела.

К нему подошел капитан Лемберт Уикс, шумный, веселый человек.

– Как ваши дела сегодня, доктор? – крикнул он сквозь ветер.

– Спасибо, – отвечал Франклин, – хороши, как всегда.

– Боюсь, – прокричал капитан, – что сегодня мы не управимся.

Они предполагали войти в устье Луары и подняться до Нанта; Франклин оглядел раскинувшийся перед ним берег.

– Как называется это место? – спросил он.

– Орей, – ответил капитан.

– Тогда, если можно, я сойду здесь, – решил Франклин.

– Конечно можно, – согласился капитан Уикс. – Сейчас я распоряжусь. При таком ветре нам понадобится на это часа два. – И он удалился.

Франклин остался. Зрелище бурного моря, могучие порывы ветра действовали на него благотворно. И так, через несколько часов он будет на суше, в стране, где ему суждено провести ближайшие годы, наверно, последние годы своей жизни; он стар, через несколько недель ему исполнится семьдесят один год.

Он не был стар. Он начинал новое, совершенно ненадежное дело, дело, которое требовало, чтобы человек ушел в него весь, целиком, и это его молодило. Он был государственным деятелем и ученым с мировым именем; но, в сущности, он мало чего добился с тех пор, как в семнадцать лет бросил ученье и приехал в Лондон – без средств, рассчитывая лишь на самого

себя да на тот крошечный запас знаний, который он успел получить. Таким же неимущим, как тогда в Англию, прибыл он сегодня во Францию. Жена его умерла, его единственный сын перешел на сторону англичан и по праву считался в Соединенных Штатах изменником. Он, старик, отдал все свои свободные средства в распоряжение Конгресса, отдал заимообразно, но для человека его возраста это плохой способ помещения капитала. Лучшее, единственное, что у него есть, – это стоящая перед ним задача, задача трудная, сложная, почти неразрешимая. Насущная, благословенная задача – расположить Францию в пользу американцев.

Несколько минут назад, когда он говорил с капитаном Уиксом о своем намерении сойти на сушу, лицо его под меховой шапкой казалось хитрым и стариковским, глаза глядели сквозь очки пристально, даже недоверчиво, широкий рот еще более вытянулся в тихой, лукавой улыбке. Теперь, оставшись один, он снял очки и шапку, он подставил лицо ветру, и этого оказалось достаточно, чтобы оно сделалось совершенно другим. Большие задумчивые глаза молодо блестели, ветер приподнимал редкие волосы с высокого, могучего, властного лба, покрасневшее лицо с глубокими морщинами поперек лба и вдоль носа, с тяжелым, сильным подбородком говорили об энергии, опытности, решительности, непримиримости.

Он видел страну своего будущего, он физически ощущал величие стоявшей перед ним задачи, он шел ей навстречу, входил в нее, с готовностью, даже с жадностью.

На палубу поднялись оба мальчика – семнадцатилетний Вильям Темпл Франклин и шестилетний Бенджамин Бейч Франклин. Со смехом, держась друг за друга, преодолевая качку, они подошли к деду. На мальчиков приятно было смотреть. У младшего, крепыша Бенджамина Бейча, сына дочери, нежное личико было покрыто светлым пушком. Ну а старший, семнадцатилетний Вильям, разве он не великолепен? Как красиво и дерзко подставил он ветру свой большой прямой нос! А какой у него приятный, веселый, довольный алый рот, хоть подбородок и тяжеловат! Этот тяжелый подбородок достался Вильяму от него, от деда. Вообще-то, у Вильяма, к сожалению, довольно много отцовских черт, и, несмотря на всю миловидность и красоту мальчишки, нечего себя на этот счет обманывать.

Мальчики очень волновались. Они услышали от матросов, что прибыть в Нант удастся еще не так скоро, и теперь им не терпелось узнать, высадят ли их здесь. Когда доктор ответил, что высадят, и велел им тотчас же собирать вещи, мальчики очень обрадовались.

– Ты позаботился о том, чтобы мне приготовили ванну? – спросил старик Вильяма. Тот смущенно ответил, что забыл. Он вообще многое забывал; зато у него было множество других, приятных качеств. Вот и теперь раскаяние его было таким бурным, что дед тотчас же забыл о своем неудовольствии.

Купание на качающемся судне было делом нелегким. Доктор предпочел ограничиться небольшим багажом, но взял с собой ванну, конструкция которой, продуманная им самим, вполне отвечала его потребностям; продолжительное купание в горячей воде было ему необходимо. Ванна, сооруженная из очень твердого, благородной породы дерева, имела высокую, изогнутую в виде раковины спинку, и сидеть в ней было удобно. При желании ванна закрывалась крышкой, так что видны были только плечи, шея и голова купающегося. Вода не разбрызгивалась, а посетители, с которыми старик беседовал во время своего длительного купания, могли сидеть на крышке.

Сегодня купальщик довольствовался обществом своих мыслей, внуки были заняты сборами. Сидя в ванне, блаженно ощущая усталым телом теплую воду и осторожно почесывая струпья на голове, он позволил мыслям свободно разгуливать.

Нет, очень добросовестным человеком этого мальчишку Вильяма назвать нельзя. Едва ему придет на ум что-нибудь более приятное, он забывает любое поручение. Зато отец его, Вильям, изменник, не таков. Тот, при всей своей любви к удовольствиям, никогда не забывает о карьере. Он хорош собой, этот старший Вильям, в нем нет грузности и медлительности старого Бенджамина. Он куда элегантнее, он располагает к себе людей. Вильяму-младшему не хотелось

покидать отца и ехать с дедом во Францию. Но уж тут он, старик, вмешался. Тут уж раздумывать не приходилось. Мальчик должен ехать с ним в Париж. Мальчик должен расти в здоровой атмосфере, вдали от неудачника-отца, который соблазнился посулами и деньгами лондонского правительства и теперь – поделом ему – сидит в личфилдской тюрьме. Но за маленьким Вильямом нужно глядеть в оба. В мальчике нет злой и эгоистической расчетливости отца, но зато бездумной жизнерадостности в нем хоть отбавляй. И он прекрасно знает, что ему многое сходит с рук потому, что он такой красавчик. Да, мы, Франклины, любим жизнь. Не на брачном ложе произвел я на свет Вильяма-старшего, не на брачном ложе произвел он на свет своего Вильяма, и не похоже, что у этого маленького Вильяма будут во Франции только законные дети. Она передалась по наследству, моя жизнерадостность. Многие мои качества передались по наследству сыну и внуку, и поразительно, до чего мы все трое разные при этом сходстве. Достаточно мелочи, чтобы сущность человека стала совершенно другой.

Доктор позвонил, велел подлить горячей воды.

Да и родители маленького Бенджамина тоже не бог весть какие выдающиеся люди. Мать, Салли, – милая, доброжелательная женщина, он, доктор, очень ее любит, у нее есть здравый смысл, но ничем особенным она не блещет. И муж ее, Ричард Бейч, славный малый, именно славный, и только. Конечно, родители были недовольны, что он забирает у них маленького Бенджамина. Но можно ли сомневаться, что во Франции, под наблюдением деда, мальчик получит лучшее воспитание, чем в Филадельфии, под руководством мистера и миссис Бейч? Вдобавок он вознаградил зятя за разлуку с сыном, назначив его своим заместителем в почтовом министерстве. Там ничего не испортишь, там славный Ричард вполне на месте. Конечно, враги старого Бенджамина будут теперь шуметь по поводу любой меры, принятой или не принятой Ричардом. И пускай себе шумят. Бог свидетель, Франклин принес достаточно много жертв Америке и ее делу; он может позволить себе немножко помочь своим родным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.